

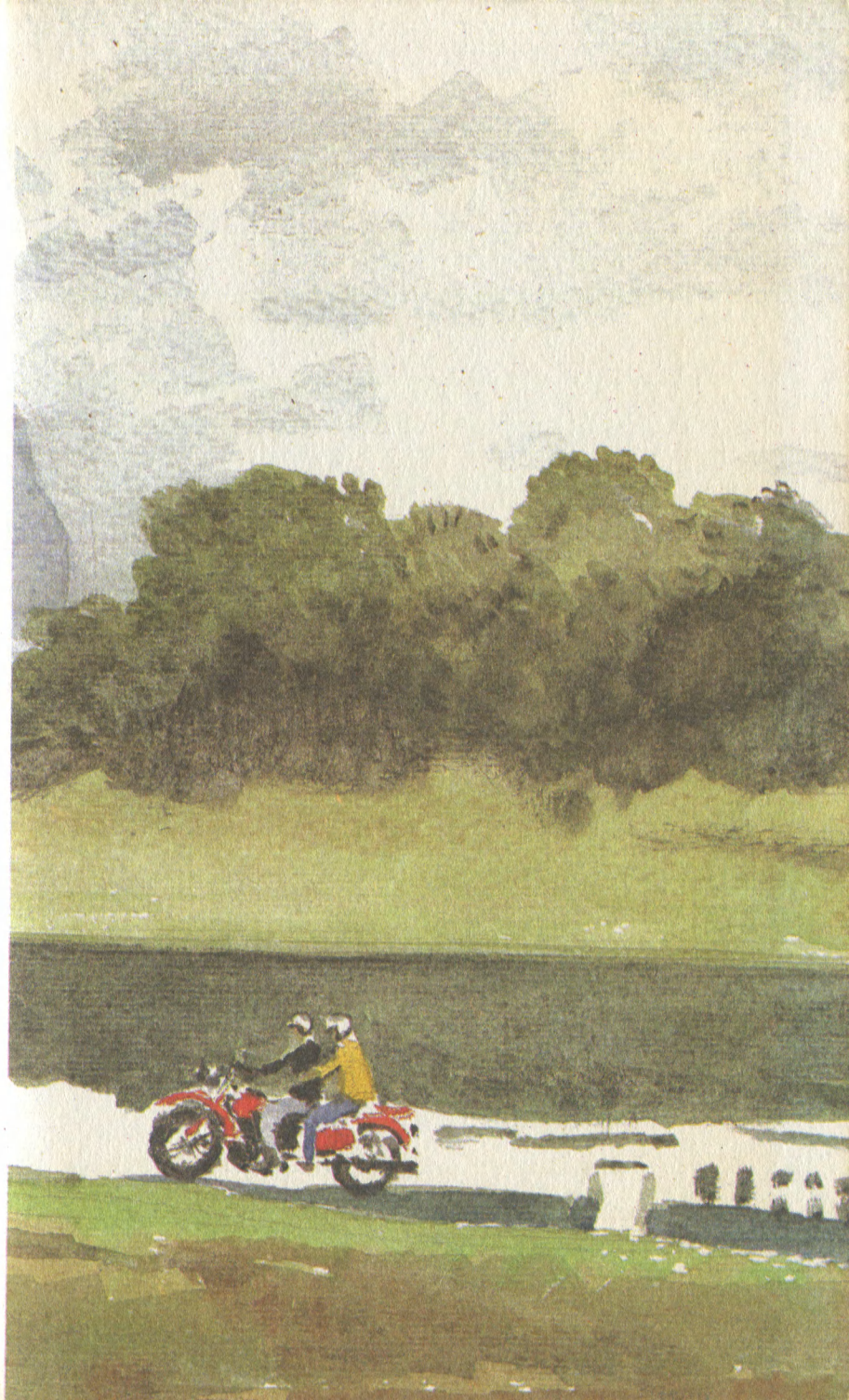
Аско Мартинхеймо

«МАСТЕРСКИЙ ВЫСТРЕЛ»

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Аско Мартинхеймо

« МАСТЕРСКИЙ ВЫСТРЕЛ »

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Перевод с финского
Геннадия Муравина

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1989

ББК 84.4Фн
М29

Asko Martinheimo

MESTARILAUKAUS

Werner Söderström osakeyhtiö
Porvoo – Helsinki – Juva, 1979

Художник
П. Пинкисевич

Мартинхеймо А.

М29 «Мастерский выстрел» и другие рассказы/Пер. с финск. Г. Муравина; Худ. П. Пинкисевич.— М.: Дет. лит., 1989.— 128 с.: ил.

ISBN 5-08-000984-5

Рассказы современного финского писателя, собранные в этой книге, интересны точным, ярким изображением жизни финских подростков в школе, дома, во взаимоотношениях со сверстниками и родителями, тонким пониманием их психологии.

М 4804010100-336
М101(03)-89 Без объявл.

ББК 84.4Фн

ISBN 5-08-000984-5

© Asko Martinheimo

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

УЧИТЕЛЬ МАТТСОН, ПИСАТЕЛЬ МАРТИНХЕЙМО И ИХ РЕБЯТА

Я удивился, поговорив в 1979 году со старшеклассниками одной из московских школ. Удивление мое было вызвано тем, что о Финляндии, нашей северной соседке, с которой у нас более тысячи километров общей границы и тесные, можно сказать, дружеские отношения, они почти ничего не знали. Потом выяснилось, что похожим образом обстоит дело и во многих других школах, в других городах. А между тем у Советского Союза с Финляндией большие торговые, экономические и культурные связи. Финляндия сейчас — это высоко-развитая капиталистическая страна, которую нередко называют «Европейской Японией» и даже «Северным чудом», а советско-финляндские отношения считаются примером взаимовыгодного сотрудничества.

Для того чтобы развивать эти непросто сложившиеся хорошие отношения, требуется взаимопонимание, требуется знать, что собой представляет Финляндия, как живут финны, каковы их обычаи, традиции и многое другое. В этом нам могут сильно помочь книги, и в первую очередь — написанные финскими писателями. К сожалению, таких книг для подростков и юношества мы до сих пор переводили на русский язык очень мало. И вероятно, для многих юных читателей эта книга окажется первой, из которой они узнают о жизни своих финских современников от самого финского писателя.

Знакомясь с произведением нового для нас автора, мы обычно хотим узнать и о нем самом. Поэтому постараюсь коротко рассказать об Аско Мартинхеймо.

28 сентября 1984 года, когда Аско Мартинхеймо исполнилось пятьдесят лет, крупнейшая ежедневная финская столичная газета «Хельсингин саномат», выходящая не менее чем на сорока страницах, поместила на видном месте интервью с юбиляром и его фото-портрет. Так в Финляндии отмечается юбилей далеко не каждого писателя, а тем более детского — для этого надо быть автором многих хороших книг. У себя на родине Аско Мартинхеймо удостоен многих премий для детских и юношеских писателей. Его радиопьесы, а их немало, исполнялись в разных странах, удостоены европейских премий и премии международной организации радиовещания ОИРТ. Пишет он на финском языке. Упоминаю об этом намеренно, ибо в Финляндии два государственных языка — финский и

шведский, и часть финских писателей, например известная у нас Туве Янссон, пишет на шведском.

17 марта 1988 года в Хельсинки в торжественной обстановке Аско Мартинхеймо во второй раз вручалась главная в Финляндии премия за произведения для детей и юношества — премия Топелиуса, которая присуждается ежегодно только одному писателю. (Впервые А. Мартинхеймо был удостоен этой премии в 1977 году.) Перед началом церемонии вручения премии мы и познакомились. Он оказался высоким, улыбчивым, остроумным человеком, общительным и скромным. Его тут же начали терзать журналисты и фотографы, и мы договорились, что через неделю я приеду к нему домой, где можно будет обстоятельно побеседовать в спокойной обстановке.

На карте Финляндии можно без труда найти второй по величине город этой страны — Тампере. Многие знают его по учебникам истории под другим, шведским названием — Таммерфорс. Там в 1905 и 1906 годах состоялись конференции РСДРП с участием В. И. Ленина. Рядом с Тампере, совсем близко, находится небольшой (около 25 тысяч жителей), не всегда обозначенный даже на картах Финляндии, город Нокia, важный промышленный центр, где расположены предприятия, известные своей продукцией далеко за пределами Финляндии.

В Нокia и живет Аско Мартинхеймо, в небольшом одноэтажном доме, выстроенном наполовину собственными руками. Внутренняя отделка дома свидетельствует, что его хозяин замечательный мастер-столяр. Но по профессии Аско Мартинхеймо — учитель. Почти два десятилетия он преподавал в старших классах родной язык и литературу. В школе его знали под фамилией Маттсон, ибо Мартинхеймо — псевдоним, который он взял себе, начав писать радиопьесы и книги. Правда, по прошествии нескольких лет после выхода первой книги писателя А. Мартинхеймо, он стал настолько известен, что перестало быть секретом, кто скрывается под этим псевдонимом. Будучи уже лауреатом различных премий и автором многих известных произведений, Аско Мартинхеймо еще много лет продолжал преподавать в школе. Лишь весной 1984 года учитель Аско Маттсон провел свой последний урок.

Естественно, что учитель Аско Маттсон хорошо знал жизнь своих юных соотечественников (да у него и самого два сына), а писатель Аско Мартинхеймо умеет в своих произведениях рассказать о том, что интересует и волнует подрастающее поколение. В своих произведениях он отстаивает идеалы добра, справедливости, честности и благородства, в чем нетрудно убедиться, прочитав хотя бы эту книгу.

В Нокиа мы беседовали о том, как создавалась повесть «Мастерский выстрел» и другие рассказы». Я не оговорился. Это именно повесть в рассказах, действие которой разворачивается на протяжении нескольких лет в небольшом городе. Вернее, даже в одном районе города. И действующие лица на протяжении всей книги одни и те же, но они как бы по очереди исполняют в разных рассказах роль главного героя.

Аско Мартинхеймо не раз бывал в Советском Союзе — в Москве, в Ленинграде, Таллинне; в Киеве он участвовал во встрече советских и финских писателей, поэтому он знает и о жизни ребят в нашей стране, о сходных моментах в учебе, отдыхе, развлечениях и быте наших и финских подростков и о том, что их различает. В книге, адресованной финскому читателю, естественно, упоминается иногда и о таких вещах, которые могут быть неизвестны за пределами Финляндии. И мы договорились с автором, что некоторые пояснения, очень короткие, будут сделаны прямо в тексте рассказов, там, где это возможно. Но кое-что лучше пояснить заранее, в этом предисловии.

В Финляндии, как и у нас, обязательное и бесплатное среднее образование — это так называемая Основная школа, в которой учатся девять лет. Но тот, кто собирается поступить в высшее учебное заведение, должен окончить еще три старших класса гимназии или лицей. И там за обучение уже надо платить. Поэтому очень многие сразу после окончания Основной школы стараются поступить на работу. Однако это непросто, ибо в Финляндии, как и во всех капиталистических странах, существует безработица, и именно среди молодежи процент безработных довольно высок. В 60-х годах (а судя по некоторым деталям, в рассказах действие происходит именно в тот период) финны нередко уезжали в поисках работы в соседнюю Швецию, оставляя детей под присмотром дальних родственников и даже чужих людей. Судьба одного такого парнишки прослеживается и в этой книге.

Школьная программа в Финляндии отличается от нашей еще и тем, что там есть уроки религии, ибо церковь не отделена от государства и девяносто с лишним процентов населения принадлежит к евангелической церкви. Правда, это не значит, что все финны ревностные верующие. Есть немало таких, кто лишь формально числится приписанным к церкви, а некоторые и совсем отказались от религии. К ним принадлежит и семья школьника Сами из рассказа «Приказ главнокомандующего».

До того дня, который описывается в рассказе, Сами никогда в церкви не был, и, естественно, многое там его удивляет. И конечно, он не знает, что во всех финских церквях, даже в построенных совсем недавно, висит на видном месте текст приказа, изданного в 1942 году

финским главнокомандующим маршалом Маннергеймом в День матери, который традиционно отмечается в Финляндии во второе воскресенье мая. В те годы Финляндия воевала на стороне фашистской Германии против Советского Союза, и приказ Маннергейма был обращен ко всем матерям страны, безутешно оплакивавшим своих убитых и раненых сыновей. С тех пор прошло уже более четырех десятилетий, между финским и советским народами установились мирные, дружеские отношения, многое изменилось и в самой Финляндии. Но почему этот напоминающий о той недоброй поре приказ до сих пор висит в финских церквях, не смог мне толком объяснить никто. Аско Мартинхеймо сказал, что и его удивляет этот приказ, висящий в церкви, и он хотел выразить это в своем рассказе, в основу которого лег реальный случай.

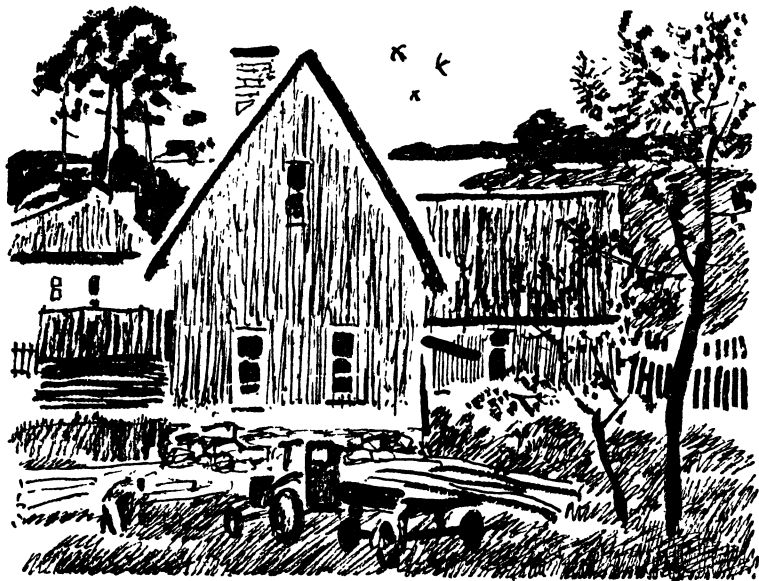
Мне было очень интересно узнать от автора книги, что все ее действующие лица имеют прототипов, а с одним, который выведен в рассказах под именем Яапи, даже довелось познакомиться. Судьба его в дальнейшем сложилась благополучно. Как считает Аско Мартинхеймо, этому способствовало его трудолюбие, которым вообще славятся финны.

Отразилась в книге и обеспокоенность автора тем, что в Финляндию все сильнее проникает чуждое, заокеанское влияние. Особенно этому способствуют кинофильмы, которые ребята видят и в кинотеатрах и по телевидению, а в последнее время распространяющиеся с помощью видеокассет. О том, как некоторые финские подростки подражают героям таких фильмов, можно прочесть в рассказе «Охотники за скальпами», и, хотя в этом рассказе все вроде бы кончается благополучно, тревогу автора понять нетрудно.

Конечно, при чтении этой книги будут возникать вопросы, и, возможно, их будет немало, но я надеюсь, что ответы на них, по крайней мере на многие из них, вы сможете найти в энциклопедии, в книгах о Финляндии, созданных нашими публицистами. Старшим школьникам хочу посоветовать обратиться и к девяти томной «Библиотеке финской литературы», вышедшей на русском языке в 1979–1982 годах, и к другим романам, сборникам рассказов и стихотворений финских писателей, изданных у нас за последние десятилетия.

Если же, прочитав эту книгу, вам захочется спросить о чем-то у автора или переводчика или поделиться своими мыслями о книге, сделать это можно будет письмом по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Геннадий Муравин

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Сáми шагал впереди одноклассников. Как и всегда. Рыжая его шевелюра пылала, будто флаг, идти Сами старался в ногу с учителем. Отец, правда, сказал, что тому, кто отказался посещать уроки религии, нечего тащиться в церковь и в последний день учебного года. Однако Сами хотелось увидеть, как там, в церкви, внутри.

По школьному радио ректор дал строгое указание — двигаться по дороге в церковь попарно. Девчонки еще пытались придерживаться ректорских распоряжений, а мальчишки шли даже по пять человек в ряд. Встречным приходилось сторониться, ступать на газон.

Возле церкви переходили дорогу кому где взду-
мается. Учитель стоял на «зебре» перехода и напоми-
нал военачальника, пытающегося вернуть порядок
войску, охваченному паникой. Воспользовавшись нераз-
берихой, Юртсе и Кóльйонен улизнули за каменную
ограду кладбища — покурить. Они и еще двое отстав-
ших вообще не пришли в церковь, но учитель, похоже,
этого не заметил.

Школьники толпились на паперти, хотя дверь глав-
ного входа была раскрыта настежь. Двое учителей, стоя
по обе стороны двери, пытались поддержать порядок.
Подняв указательный палец, они прижимали его к
губам и громким шепотом призывали галдящих учени-
ков вести себя потише.

На высокой башне звонили колокола. Сами вспом-
нил похороны дяди Óлли. Тогда тоже колокола гудели.
В саму церковь отец не пошел. Он остался ждать конца
церемонии снаружи и показал Сами большую надгроб-
ную плиту, на которой была высечена надпись: «Пав-
шим за убеждения». Сами не понимал, как это. Отец
объяснил: плиты с такими надписями установлены на
могилах финских красногвардейцев, погибших во вре-
мя гражданской войны в Финляндии в 1918—1919 годах.

В передней было прохладно и жутковато. Здесь уже
все переговаривались шепотом, а колокольный пере-
звон был едва слышен. Один из преподавателей стар-
ших классов стоял у следующей двери, из передней в
церковный зал, тоже предостерегающе подняв палец.
Растянувшаяся колонна школьников медленно впол-
зала в зал. Первое, что удивило Сами, — высокий
купольный потолок. Он был ярко-голубым, и на нем
сверкали золотые звезды.

Зал был странно гулким. Каждый звук — шарканье
ботинок, шорох одежды, стук скамей — носился эхом от
стены к стене. Окна были с цветными стеклами. По-
этому, что там, снаружи, не было видно. Визгливо хи-

хикнула какая-то девчонка. Тотчас же двое учителей, нахмутив брови, поднялись, отыскивая взглядом, кто это нарушает порядок. Странно, подумал Сами, почему в церкви нельзя веселиться, если тут так забавно?

Он сел рядом с Пáси. Деревянная церковная скамья оказалась неудобной. Он попытался откинуться, чтобы опереться о спинку, но сразу же начал соскальзывать вперед. Прочно удалось усесться, лишь упершись ногами в перекладину стоящей впереди скамьи.

Пока классы, пришедшие последними, шумно рассаживались по местам, у Сами было время рассмотреть церковь. Непонятно, почему купольный потолок такой высокий. И без этого было бы ясно, что хотели изобразить небо. Потолок поддерживали колонны в два ряда. На колоннах были нарисованы вьющиеся растения и птицы.

Паси достал из кармана небольшую книжку, комикс серии «Высокое напряжение», и принялся читать. Английские парашютисты атаковали немцев с тыла, пулеметы строчили, летели отстрелянные гильзы. Паси был как раз на середине книжки, когда Сами толкнул его локтем в бок:

— Д-да-дай и мне.

— Сейчас.

Паси парень тихий, приятный. Он не посмеивался ни над рыжей шевелюрой Сами, ни над его заиканием. Паси, единственный, не обзывал Сами Луковицей. С Паси здорово было водить компанию, с ним можно отправиться куда угодно. Не раз они проводили вместе долгие вечера, но почти не разговаривали. Случалось, Паси бросал коротко: «Глянь!» или «Видишь того?» — и Сами достаточно было произнести лишь «угу» или «ну», а можно было и вообще промолчать.

Сами хотел уже раскрыть рот, чтобы повторить свою просьбу, но тут позади них наверху загудел оргáн. Оглянувшись, Сами увидел на балконе над входом мно-

жество свистков и трубок разной величины, самые длинные доходили почти до потолка. Это и был орган. Над перилами балкона виднелась плешь органиста.

Богослужение началось с того, что из маленькой двери в конце церкви вышел поп. Он был в белой мантии с большим серебряным крестом на спине. Перекинутая через шею, как шарф, свисала на грудь полоса какой-то зеленой материи. Сперва поп повернулся ко всем спиной и, нагнув голову, встал на колени перед картиной. Под картиной был длинный стол, а на нем лежала большая книга и горели свечи в ряд.

Через несколько секунд поп поднялся с колен и, стоя против прохода, разделяющего ряды скамей, начал говорить речь. Самым обыденным голосом поп сказал о своей радости по поводу того, что церковь заполнили молодые люди. Еще бы, как же церкви не быть заполненной, ведь сюда велели явиться всем классам, иначе не выдадут свидетельств. Их должны были вручать в школе после похода в церковь.

Богослужение оказалось странной церемонией. Время от времени по команде попа все вставали и молились вслух. Иногда протяжно пели псалмы. Номера псалмов покачивались на гвоздиках на черной доске. Сами одолевала зевота. У него и псалтыря-то не было. Отец считал его ненужным.

Затем поп взошел на трибунку, подвешенную на одну из колонн. Оттуда он наверняка хорошо видел весь зал. Над трибункой была своя маленькая крыша. Неужто купол церкви протекает? Иначе зачем еще эта дополнительная крыша? Поп говорил о весне, цветах, птицах и юности. И теперь, с трибунки, он говорил совсем не так, как прежде, внизу. Голос его порой делался высоким, почти пронзительным, он растягивал слова, слегка подвывал, и казалось, вот-вот запоет.

Слушать попа Сами быстро надоело. Он не понимал, о чем тот толкует. Ведь если столкнешься с пар-

ниями улицы Туюли, о милосердии и заикаться не стоит. Но ни о какой драке поп не говорил. При чем же тогда милосердие? И ведь поп сказал, что это милосердие оказывается всем каждый день. И еще он говорил об искуплении. Выкупе? Но это не имело ничего общего с таким выкупом, как при игре в фанты. Странно. И он здорово говорил о грехах, только не объяснил, что это такое. Небось то, чем старшие классы занимались сейчас на задних скамьях. Оттуда слышались приглушенные голоса, скрип скамей, топот ног, смешки, возня, похрюкивание, деланный кашель. Учителя сидели, вытянув шеи, и бросали туда убийственные взгляды, но беспокойный шумок все усиливался. Поп уставился на задние скамьи. Шумок стих, когда он сказал:

— Вы, милые молодые люди, там, в задних рядах, вскоре вы будете на беговой дорожке жизни наравне со взрослыми. Слабым такого соревнования не выдержать. В чем вы найдете поддержку? Что будет вам наградой за победу?

— Мы спортом не занимаемся,— послышался тихий ответ, сопровождаемый взрывом смеха.

Поп продолжал прерванную речь об иге греха. Что такое иго, Сами тоже не понимал.

Паси уже достиг последней страницы комикса. Отважные парашютисты выстроились в шеренгу, и командир вешал медали на их выпяченные груди. Такую награду получили те, кто убил достаточно много врагов.

Сами нетерпеливо ждал, когда окончится эта церковная церемония. У него свело спину, а ягодицы пощипывало. Он ерзал на скамье и пытался найти что-нибудь интересное, чтобы как-то убить время. Он принялся считать звезды на потолке-куполе. Начал с левого края, досчитал до шестидесяти трех, но шея устала держать голову в запрокинутом положении. Пришлось прекратить.

И вдруг он углядел висящую под трибункой с оратором какую-то бумагу с текстом, оправленную потускневшей золотой рамкой. Но рассмотреть как следует, что это такое, мешала голова светловолосой девчонки, сидевшей впереди. Сами толкнул Паси:

— Та рамка. Ви-видишь?

— Угу.

— Ч-ч-что там написано?

Паси сунул комикс в карман и вытянул шею, всматриваясь.

— При... каз...— разбирал Паси по слогам.

— Что?

— Глав... но... ко... ман... дующего. Приказ главнокомандующего.

Выполнив просьбу приятеля, Паси уселся поудобнее и протянул ему комикс, но Сами уже не интересовало истребление немцев. Приказ главнокомандующего занимал его мысли. Что за приказ такой? В церкви-то? В классе начальником был учитель. Начальнику следовало подчиняться. А ректор командовал школой, был школьным главнокомандующим. Но здесь, в церкви? Кто бы это мог быть? Уж конечно, не пастор. Может, бог? Отец сказал, что бога не существует. Но кто же тогда?

В мире чересчур много начальников и главнокомандующих, рассуждал Сами. Они только и делают, что дерутся. Где-нибудь в мире, в разных его концах, все время идет война. Делают бомбы и пушки, самолеты и военные корабли, и повсюду солдаты с автоматами на изготовку, держат палец на спусковом крючке. Кто-то им то и дело приказывает. Командующие и главнокомандующие.

Когда они с Паси вдвоем отправляются куда-нибудь, никто из них не командует. Никто из них не босс и не начальник. Они на равных. Всю весну они вместе бегали по берегу залива в поисках гнезд кроншнепов.

Летом пойдут вместе купаться, или на свалку, стрелять крыс, или на Кóлмихааре — удить. Всегда можешь делать то, что сам пожелаешь, а не по приказу другого.

Поп кончил говорить. Снова гулко заиграл орган. Наступила очередь псалма. «Пора прелестная пришла, и лето благодатное...» Сами знал этот псалм, его распевали весной на празднике окончания учебного года.

Приказ главнокомандующего! О чем бы он мог быть? Уж не о том ли милосердии? И каждый день новый приказ? Поп вроде говорил про что-то такое. Но он говорил не о приказе, а о заповеди. Вот если бы подойти поближе и прочесть, что же там написано. Но так, чтобы не отстать от остальных. А то потом начнут приставать с расспросами и насмехаться.

Архиепископ! Эта мысль явилась как удар молнии. О нем Сами слышал иногда в телепередачах. Вот он кто, главнокомандующий церковью! Он пишет попу приказ, и тот вставляет листок в рамку, а перед богослужением идет и смотрит, о чем приказал говорить главнокомандующий. Затем поп всходит на трибунку и говорит то, что ему положено. Теперь, как бы там ни было, уже становилось понятнее. Однако откуда архиепископу было знать, что сегодня в церкви будут старшие и младшие классы Йóкирáннаской школы? Он же небось и понятия о них не имел.

МАСТЕРСКИЙ ВЫСТРЕЛ

Из окна сарая хорошо были видны новый дом и двор. Рогульку и кусок велосипедной камеры можно успеть спрятать, если мать или бабушка покажется на дорожке к сараю. Старый, маленький домишко стоял тут же во дворе, и, хотя видно было лишь его крыльцо, Паси и этого было достаточно. На всякий случай, чтобы лучше слышать, что происходит во дворе, Паси оставил дверь

сарая приоткрытой. Отец находился где-то на заднем дворе или у дальнего конца старого домишка. Скрип петель калитки был слышен минуту назад.

Паси принялся мастерить себе рогатку после того, как Кольйонен явился в первый же день каникул и похвалялся, что лучшая в Европе рогатка — его. Он выпилил рогульку из передней вилки велосипедной рамы и специально купил толстые резинки. В мастерской у отца он стащил пригоршню гаек, и они теперь служили ему пулями. Кольйонен хвастал, что с одного выстрела может разнести крысу на кусочки, если ему удастся приблизиться на необходимое расстояние. Волей-неволей пришлось этому поверить, хотя бахвальство Кольйонена было всем известно.

Вдруг на крыльце старого домишка появился отец. Он оперся на перила и, закинув голову, уставился под крышу крыльца. Паси следил за ним, ожидая, что он станет делать дальше. Едва отец направился к сараю, Паси спрятал рогульку и резину, и, когда дверь сарая открылась, Паси уже держал финку и заготовку для кораблика.

— Пошли есть.

— Я сейчас приду.

— Кораблик выстреливаешь?

— Да.

— Скоро уже станешь слишком большим, чтобы пускать кораблики.

Паси положил кораблик на верстак и пошел с отцом. На дворе было свежо. Накрапывал дождик. Ласточки проносились у стен, вспугивали полусонных мух и ловко клевали их. На крыльце нового дома отец повернулся и еще раз окинул взглядом старый домишко. Он стоял пустой с тех пор, как было закончено строительство большого нового дома. Десять лет назад Паси родился там, в старом доме. Теперь отец собирался превратить его в сауну.

Запах биточков рвался из двери наружу. В кухне дух жареного мяса забивал все другие запахи. Мать выхватывала вареные картофелины из кастрюли прямо пальцами. Бабушка уже сидела за столом на своем постоянном месте и покачивалась вперед-назад. Рядом с ее тарелкой лежали таблетки — две красных, одна зеленая и одна белая. У бабушки было больное сердце и другие старческие недуги.

— Руки-то чистые? — спросила мать, как обычно.

— Сперва помолимся, — сказала бабушка и встала. Она пробормотала трапезную молитву, а в заключение сделала реверанс. К этому все уже так привыкли, что не считали даже чудачеством. Затем она взяла со стола таблетки и проглотила по одной.

— Заказал ты те доски?

Отец глянул на мать, держа на вилке картофелину. По выражению его лица было видно, что он терпеть не может, когда мать твердит ему одно и то же. Но ответил он все-таки совершенно спокойно:

— Есть еще время.

— Была бы своя сауна, не надо было бы к соседям ходить.

— Там уже другие строители успели начать.

— Другие?

— Гнездо строят. Туда, на старое место, лепят, на стропилину над крыльцом. Ласточки.

— Ух ты! — воскликнула бабушка. Она хлопнула в ладоши, и живот ее колыхнулся под клетчатой юбкой.

— Что это с бабушкой? — вскинулась мать.

— Да ведь это предвещает младенцев. Знать, ты, Паси, наконец-то получишь братика. Ласточки всегда во всем мире предвещают детей. Попомните мои слова.

— Ничего они не предвещают, — пренебрежительно заметил отец.

Картофелина во рту Паси оказалась слишком горячей, пришлось быстро запить ее молоком.

— Как было в прошлый-то раз? — продолжала бабушка гнуть свое. — Ласточки слепили гнездо, и почти через год родился Паси.

Мать странно хмыкнула и посмотрела на отца. Он наколот кусочек хлеба на вилку и подбирал им с тарелки соус, чтобы ни капли не пропало, поэтому не смотрел ни на мать, ни на бабушку. Отцу не всегда нравились бабушкины замечания. Но она знала удивительные вещи. Бабушка умела, например, по приметам в небе предсказывать дождь, и ветер, и заморозки. Когда-то она предсказала войну, потому что белку угораздило оказаться на березе, росшей во дворе. Даже о смерти людей бабушка знала наперед, почему же ей не знать и о рождении.

Бабушкино замечание опять пробудило у Паси надежду, что у него будет маленький братик. Не раз Паси допытывался у матери, почему у него нет брата, как у Юртсе, или хотя бы сестренки, как у Кáйтсу Кольйонена. Мать всегда отвечала уклончиво, меняла тему разговора. К отцу не стоило и обращаться. Он при таких разговорах начинал покашливать. Это означало, что он может и вспылить, если не сумеешь вовремя прекратить расспросы.

В послеобеденные часы Паси выстрегивал попеременно то кораблик, то рогульку. Мысли его все время вертелись вокруг того, как изменилась бы его жизнь, если бы появился маленький братик. Конечно же, пришлось бы иногда присматривать за ним, оставаться при нем именно тогда, когда Юртсе, Луковица и Кольйонен отправятся на Лүотсарискую свалку охотиться на крыс, или пойдут в лес искать гнезда, или на Колмихааре — ставить перемет. Даже выбраться с ними поплавать и понырять Паси сможет не всегда, ведь он даст обещание заботиться о маленьком братике, как только тот

появится. Паси решил, что научиться вытирать ему нос, сажать на горшок, будет предостерегать его от всяких глупостей и следить, чтобы он нечаянно не затоптал материнские астры и львиные зевы.

Хлопот с ним, с маленьким братиком, хватало бы. Но они могли бы делать вместе и много интересного. Паси был мастер на выдумки. Они ходили бы вдвоем на берег реки под ивы ловить плотву для кошки. Своему братику Паси показал бы лучшие места для рыбалки. Он научил бы его пускать «блинчики», лазить по деревьям, «навешивать банан» и мухлевать в карты. Они были бы друзьями, и Паси защищал бы его, если бы Кольйонен или парни с улицы Туули осмелились приставать к нему.

Как-нибудь темным вечером можно будет рассказать ему историю о привидениях, немножко попугать и затем, тыча пальцем в живот, щекотать, чтобы он захихикал. Конечно, не сильно, лишь настолько, чтобы позабыл о страхе. Когда братик немного подрастет, его можно будет взять с собой искать птичьи гнезда, но братику не придется глотать насиженные утиные яйца, как маленькому Юсси Салминену, который послушно делал все, что велел ему Кольйонен.

Да будет известно всем кольйоненам и другим, что младший братишка Паси — случай особый.

Через несколько дней кораблик был почти готов, не хватало только мачты, и теперь Паси точно знал, для чего и для кого этот кораблик предназначается. Но возник новый план: смастерить из ящика для яблок грузовик. Такой же, как отцовский «Контио-Сису». Колеса у Паси уже имелись. Он когда-то снял их с выброшенной на свалку детской коляски. На всякий случай. Теперь он знал, куда их приспособить. В грузовике можно возить младшего братика, если он устанет в их походах.

Однако сначала надо было сделать рогатку. Кольйонен уже дважды приходил и звал Паси поохотиться на

крыс. Луковица болел корью, а Юртсе уехал в лагерь. Кольйонену не хотелось идти одному. Ему нужен был кто-нибудь, перед кем он мог бы показать класс.

Но затея с рогаткой чуть было не провалилась в самом начале. Однажды в сарай неожиданно зашел отец. В самое последнее мгновение Паси удалось спрятать рогульку, но кусок велосипедной камеры остался на верстаке. К счастью, отец не обратил на это внимания. Он лишь взял готовый кораблик, повертел его так и сяк, спросил:

— Когда пойдешь пускать?

Паси не ответил. Отец, прикрыв один глаз и то-ненько насвистывая, рассматривал кораблик, держа его в вытянутой руке.

— Хорош!

— Может, его будет пускать кто-нибудь другой. Когда-нибудь потом.

Отец внимательно посмотрел на Паси..

— Ты не очень-то верь бабушкиным историям. Я ей сказал, пусть прекратит плести небылицы.

Но Паси был уверен, что бабушка не врала. Вечером он опять сидел у нее в комнате. Она рассказывала разные разности о ласточках и о том, что, если они начинают строить гнездо, наверняка и в доме появится ребенок. Уж бабушка-то знала. У нее самой было шестеро детей.

— Так оно и есть, Паси. Более верной приметы и не бывает,— утверждала бабушка.— Но вот что заруби себе на носу: оставь гнездо в покое. И самих ласточек теперь нельзя тревожить. А то еще покинут гнездо и улетят.

После этого разговора Паси стал опасаться, как бы отец, наконец, не привез во двор на грузовике те доски и не принялся стучать и гроыхать в старом домишке. Но отцу было не до сауны. Он целыми днями был занят на перевозке гравия, иногда даже вечером и по

выходным. Нужно было выплачивать деньги, взятые в долг на строительство нового дома.

Вскоре Паси поймал себя на том, что слишком часто поглядывает на старый дом во дворе, прямо-таки сторожит его. Из окошка сарая была хорошо видна пара ласточек, носящих в клювиках стебельки и комочки глины. Несколько раз Паси подкрадывался к крыльцу и, тихонько сидя в углу, наблюдал, как птицы лепили гнездо. Он мог бы сидеть там сколько угодно, если бы мать не звала его: то поесть, то сходить в магазин, то полоть морковь, то еще по какому делу.

Однажды кошка Мёкё неосторожно подошла слишком близко к крыльцу старого дома. Оно и понятно: кошка все еще не привыкла как следует к новому дому, и старый был для нее более родным. Но Паси счел, что Мёкё должна держаться от старого домишка подальше, хотя бы этим летом. Он безжалостно задал кошке нагоняй, и Мёкё, поджав хвост, тут же шмыгнула под куст крыжовника, а мать заворчала на Паси:

— Сам же ты хотел иметь кошку. Чего ж ты ее гоняешь?

Паси попытался объяснить, что Мёкё могла напугать ласточек, но мать и слушать не захотела. Сама-то она шуганула Мёкё метлой, когда та в один прекрасный день принесла показать задущенного воробья. Конечно, Мёкё сама поймала птицу, в этом не было ни малейшего сомнения.

В те дни, когда отец с утра до вечера был в разъездах, а мать занималась своими спешными делами, Паси мог спокойно мастерить рогатку. Он знал, что края резинок должны быть ровными, без надразов. А то потом, если сильно натянешь, резинка может легко разорваться в месте надреза. Резина пружинила и поскрипывала под ножницами, когда Паси резал ее, осторожно, не торопясь и следя, чтобы резинки получились одинаковой длины и ширины.

Рогульку Паси заготовил можжевеловую. Он долго искал в лесу то, что было ему нужно, и перед тем, как срезать развилину, тщательно осмотрел ее. Ободрав с пахучей ветки кору, он вырезал рукоятку, чтобы удобно было держать. Затем занялся рожками. Их концы нельзя распиливать, а нужно расколоть. Паси крепко зажал рукоятку и низ рогульки в верстаке. Установив лезвие финки на концах рожек, точно посередине, он несильно ударял по ней молотком. После этого лезвием раздвинул по очереди каждый расщепленный рожок и всунул конец резинки. Когда он выдернул лезвие, резина оказалась зажатой, как в тисках. Краем напильника он сделал желобок в верхней части каждого рожка и, обмотав рожок проволокой по желобку, накрепко стянул расщепление.

Напоследок Паси привязал к свободному концу резинок овальный кусок кожи, вырезанный из старого голенища. Шершавую сторону он, как и следовало, оставил снаружи, чтобы при стрельбе пальцы не соскальзывали раньше времени.

В последующие дни, как только выдавалась возможность, Паси упражнялся за сараем в стрельбе на меткость. Рогатку он хранил под углом сарая и там же — подходящие округлые камушки, отобранные в куче гравия, оставшейся после строительства нового дома. Из мусорного бачка Паси вытащил выброшенные отцом пустые жестяные банки из-под пива, развесил их на ветках живой изгороди, как елочные украшения, и меткими выстрелами сшибал одну за другой.

Правда, сначала он мазал, и ему показалось, что рогатка сделана неверно. Но вскоре он понял: все зависит от того, под каким углом ее держать. И надо было научиться выцеливать как можно быстрее. Крысы на свалке были шустрые. Их следовало брать «на мушку» молниеносно. Камушек, пущенный «от глаза», каждый

раз попадал в цель, но стрельба «от бедра» еще требовала тренировки.

На ивановой неделе опять пришел Кольйонен.

— Ну, где твоя рогатка?

— За сараем.

— Пошли.

Паси достал рогатку из-под угла сарая и дал Кольйонену попробовать. Тот нарочно растянул резинки до предела, но они выдержали, и первый же пущенный из рогатки камушек сшиб консервную банку.

— Годится,— криво усмехнувшись, признал Кольйонен и достал из заднего кармана штанов свою рогатку.

Он зарядил гайкой кожаный «магазин», натянул резинки и прицелился. Он целился долго. Ему необходимо было стрелкнуть лучше, чем из рогатки Паси. Резинки щелкнули, гайка полетела со свистом, и пивная банка, грохоча, пролетела сквозь куст. Кольйонен сходил за банкой. Возвращаясь, он потрясал ею над головой. Гайка, продырявив банку, громыхла внутри.

— Понял? От крысы ничего не останется, когда попаду. Пошли теперь.

По пути они прихватили с собой Луковицу. Он уже выздоровел, но пятна на лице еще оставались. Они шелушились, и Луковица все время чесал их.

По ухабистой дороге, ведущей к свалке, шли, подпрыгивая, грузовики с мусором. На свалке было оживленно: где-то ломали старый дом, и грузовики один за другим подъезжали и отъезжали. Крысы попрятались. Кольйонен был раздосадован. Ведь он надеялся показать класс. Луковицу он не считал за соперника: у того резинки рогатки были слишком короткие. Паси сразу понял это, но промолчал.

— Сегодня нам здесь делать нечего,— кисло признал Кольйонен, и они двинулись восвояси.

Пошли берегом залива. Чибиры кричали в воздухе и бросались на ребят. Где-то поблизости были их птен-

цы, но мальчишки не нашли ни одного. Затем Кольйонен подбил Паси и Луковицу соревноваться в стрельбе на меткость — и каждый раз выигрывал. Но когда у него кончился запас гаек, он прекратил соревнование.

На праздник — иванов день — Паси с матерью и отцом, как всегда в прошлые годы, поехал к дяде Вейко. Бабушка вместе с клубом пенсионеров отправилась в круиз на пароходе. Вечер иванова дня прошел как обычно. Жгли костер, дядя и отец пили водку, а мать и Аннели сидели, надувшись, на ступеньках сауны. Временами накрапывал дождик, комары были особенно злыми и жадными, а дочери дяди Вейко и тети Аннели — двойняшки А́нне и Са́ри, — как маленькие бесенята, щипались, толкались и хихикали у него за спиной. Паси подумал: будь у него маленький братик, все было бы совсем по-другому.

В иванов день Кольйонен исчез с горизонта, Юртсе вернулся из лагеря, а Луковица уехал. Паси долгие дни проводил в одиночестве. У Юртсе появились иные интересы, шансы, как он сказал. Юртсе ухлестывал за какой-то Лизой.

Теперь у Паси было достаточно времени, чтобы наблюдать за ласточками. Они весь день носились взад-вперед. По крайней мере, одна из них. Расщепленный хвост другой торчал из гнезда. Там, должно быть, уже есть и яйца. Паси хотелось заглянуть в гнездо, но он помнил, что сказала бабушка.

Однажды, когда Паси за сараем стрелял по банкам, он услышал странное поскрипывание и выглянул из-за угла. Мёкё взобралась на крышу крыльца старого дома и подкрадывалась по водосточному желобу прямо к гнезду ласточек. Раздумывать и выцеливать было некогда. Резинки натянулись, вздрогнули, камушек полетел и... попал! Мёкё противно заорала, распушив хвост, бросилась по стремянке вниз, проскользнула под калиткой и умчалась на соседний двор.

Только тогда Паси заметил, где он стоит. Мать могла увидеть его из окна кухни. И узнала бы про рогатку. Паси быстро шмыгнул за угол и перевел дух. Удачный выстрел навскидку возникал перед глазами снова и снова, будто кадр из кинофильма. И он услышал собственный голос:

— Попал!

Лишь в июле вновь появился Кольйонен, Луковица вернулся из лагеря, а Юртсе наскучила Лиза. И жизнь опять вошла в нормальное русло. Первым делом отправились все вместе купаться. Кольйонен нырял дальше всех. С ним не стоило и тягаться. После купания они лежали на песке с посиневшими губами и сморщенной кожей на пальцах и обдумывали, чем заняться еще.

Лето длилось уже так долго, что чибисята успели подрасти и их даже бегом было бы не догнать. На берегу залива делать было нечего. Ставить перемет еще не имело смысла. Погода стояла слишком жаркая, и залив обмелел. Рыба не клевала.

Однако крысы на свалке никогда не знали покоя. И решено было наконец провести великую охоту. Правда, Юртсе это не увлекло. Он считал, что уже вышел из того возраста, когда стреляют по крысам из рогатки, но все же согласился участвовать, чтобы пощеголять своим духовым ружьем. Кольйонен, однако, утверждал, что если из «духовки» и попадешь в крысу, то она, самое большее, разве что пискнет. Тут он, похоже, оказался прав. Крысы на свалке были величиной почти с кошку.

Хотя Луотсари и кишела крысами, приблизиться к ним было нелегко. Юртсе, слишком понадеявшись на ружье, принялся стрелять издалека и вначале не попал ни разу. Луковица лишь распугал крыс по норам. Он и стрелял так же, как говорил: запинаясь и заикаясь, суетясь и нервничая. Он быстро расстрелял весь свой запас камушков. Затем нашел кучку кривых, погнутых желез-

ных гвоздей и попытался использовать их в качестве пулек. Но и гвоздями он стрелял наобум, скакал с места на место и не мог взять себя в руки, чтобы как следует прицелиться. Кольйонена это раздражало, он накричал на Луковицу и едва не надавал ему по шее.

Паси выжидал.

За два часа охоты выстрелы Юртсе лишь оцарапали нескольких крыс. А Луковица сам оцарапал колено о кусок жести и почти все гвозди растратил попусту. Кольйонен упустил несколько очень хороших шансов — слишком долго целился: он экономил гайки. Паси все это обрыдло. Один раз он явно попал, но Кольйонен тотчас же оспорил его попадание:

— Рикошет! Не считается!

Пререкался с Кольйоненом было себе дороже. Уж конечно, он всегда был прав!

Охота шла не так, как хотелось Кольйонену, тогда он взялся распоряжаться.

— Кончаем играть! — объявил Кольйонен. И предложил новый план.

Немного погодя они окружили на подходящем расстоянии кучу пищевых отходов, манивших крыс. Стрелять должны были по очереди, когда покажется крыса. Сходить с места не разрешалось.

Начал Луковица, но можно было заранее быть уверенным, что у него ничего не выйдет. Погнутый гвоздь воткнулся в кучу на полметра выше крысы, которая даже ничего не заметила.

Юртсе попал из своего ружья крысе в спину и заработал очко. Три очка присуждалось, если свалишь крысу.

Паси промазал самую малость. Он нервничал из-за того, что стрелял в непривычном для себя темпе. Но и Кольйонен не попал. На него давило бремя лидерства.

После четвертого круга у Юртсе было два очка, у Паси одно, у Луковицы и Кольйонена ни одного.

Кольйонен скрывал свою досаду, хотя было видно, что это дается ему нелегко: на щеках под загаром появились красные пятна, а губы сжались в узкую полоску.

Решающим оказался пятый круг. «Духовка» Юртсе бабахнула раньше времени, и крыса мгновенно спряталась. Но ждать пришлось самую малость. Прожорливым тварям не хватало терпения долго прятаться. Они показались внезапно. Сразу четыре крысы. Паси выбрал первую, самую смелую, и ловко получил еще очко. Взвизгнув, крыса кинулась обратно в нору и вспугнула других.

Следующим стрелял Луковица и преподнес всем сюрприз: он неожиданно попал и издал вопль посильнее, чем крыса, которая, несмотря на полученный удар, секунду спустя появилась вновь. Теперь настал черед Кольйонена. Его, похоже, ничуть не вывела из себя подначка Юртсе:

— А у тебя все еще круглый ноль.

Кольйонен, по своему обыкновению, долго целился. Он спокойно взял крысу в развилку рогатки, натянул резинки и спустил их. Все ясно видели, как тяжелая гайка шлепнула по цели. Крыса взлетела в воздух и скатилась к подножию кучи.

— Три очка! — удовлетворенно объявил Кольйонен и оглядел всех по очереди.

— Кто придумал такие правила? — осмелился возразить Паси.

Кольйонен стеганул резинками рогатки по бедру и высокомерно глянул на Паси:

— О чем скулит этот мазила?

Возвращение домой превратилось в победное шествие Кольйонена. Ничего не поделаешь! Кольйонен считал, что по пути они должны состязаться в стрельбе во что попало. И в угоду ему каждый раз проигрывать. Кольйонен не довольствовался малым:

— Отсюда в тот столб.

Столб стоял слишком далеко. Каждый понимал, что на таком расстоянии попасть в него можно только из лучшей в Европе рогатки Кольйонена, да к тому же если стрелять гайкой. Паси еще раньше расхотелось продолжать эти игры. Он уже отворил калитку, ведущую к старому дому, но остановился, заметив, как ухмыляется Кольйонен.

Юртсе тоже был сыт по горло. Он, правда, ничего такого не говорил, но ясно показывал это всем своим видом. Юртсе зарядил ружье и небрежно выстрелил. Было слышно, как свинцовая пулька стукнула в столб.

— Из «духовки» не в счет,— отменил попадание Кольйонен.

— Еще бы, конечно! — Юртсе суховато усмехнулся. Странно, что он вообще терпел Кольйонена и болтался в их компании.

Луковица поднял с дороги большой камень и принялся натягивать резинки рогатки. Он натягивал, подергивая и скалясь от напряжения. Паси стало жаль Луковицу. Никак он не меняется. Ничему-то его жизнь не учит. И сколько бы он ни старался понравиться другим, над ним все равно всегда насмехались, для этого хватало одного его заикания, не говоря уже о других причинах.

Луковица так растянул резинки, что одна из них лопнула и ударила его по пальцам. Кольйонен хрипло рассмеялся. Он вложил гайку в кожанку, лениво натянул резинки и выстрелил. Всем своим видом Кольйонен показывал, что для него попасть в цель — пара пустяков. Гайка громко стукнула в телеграфный столб, и звук удара эхом отдался в проводах.

— Твоя очередь, мазила,— скомандовал Кольйонен Паси.

Паси понимал: расстояние слишком велико. Но могло и повезти. Для этого камушек должен быть не слишком большим. Паси не раз пускал «блинчики» на

реке и заметил, что полет тяжелого камушка быстро обрывался. Но плоский камушек поменьше, случалось, долетал даже до другого берега. Паси выбрал из гравия камушек величиной примерно с монету в одну марку, но похожий на головастика. Теперь нельзя было держать рогульку прямо. Камушек должен лететь немного вверх, чтобы он мог спланировать. Он будет в воздухе чуть вихлять, но до столба может долететь. А то и пролететь дальше. Могло случиться, что и угодит в столб.

Расстроенный Луковица дергал рогатку, Юртсе присел на корточки, ружье лежало у него на коленях. Кольйонен согнул указательный палец и слегка раскачивал висящую на нем свою хваленую рогатку.

Паси медленно натягивал резинки правой рукой. Левую он уже вытянул во всю длину, но еще не поднял до уровня глаз. И в этот миг Паси увидел внезапно вылетевшую из-за живой изгороди ласточку. Поддавшись внезапному безотчетному порыву, он повернул рогульку вслед птице. Резинки щелкнули и камушек полетел «от бедра». Вряд ли кто-либо разглядел стремительно летящий камушек, но все видели, как ласточка, вздыбив перышки, дернулась в воздухе и бесильно упала на траву, неуклюже раскинув крылья.

— Г-г-гос-с-поди! — заикался Луковица. — С-с-с лё-лёту!

— И навскидку! — добавил Юртсе. Он даже встал.

Кольйонен топтался на месте, раскрыв рот. Лучшая в Европе рогатка больше не болталась на указательном пальце.

— Сделай то же, Кольйонен, — произнес Паси с трудом. В горле стоял ком, глаза застилало туманом. Он убил ласточку!

— Случайное попадание, — попытался ослабить впечатление Кольйонен, но безуспешно. Луковица продолжал твердить свое, а Юртсе насвистывал: ти-ти-тю-ю-тя.

В начале своего летнего отпуска отец привез полный кузов досок и сложил их перед крыльцом старого домишка. Наступил черед сауны. Внося доски в дом, отец старался не задеть гнездо. Но о ласточках он больше не говорил ни слова, хотя они то и дело пронеслись через двор.

Паси следил за гнездом, но, несмотря на все его ожидания и надежды, ни одна из ласточек не юркнула под крышу крыльца. В конце концов Паси все же решился взобраться на перила и подтянуться под стреху. Пришлось отклонить голову вбок, чтобы заглянуть внутрь гнезда. Там, в глиняной чаше, среди перышек и белых с коричневыми крапинками сбломков яичной скорлупы он увидел и одно совершенно целое яйцо. Птенец из него так и не вылупился. И никогда уже не вылупится.

В первую неделю отцовского отпуска вновь началась жара. У бабушки случился сердечный приступ, но она вскоре вернулась из больницы. И после этого целыми днями не выходила из своей комнатки. А вечерами она ставила складной брезентовый стул под яблоню, дремала, сидя на нем, седая, с морщинистым лицом, и бормотала себе под нос:

— Так и есть, так и есть.

О чем это она, было непонятно. Мёкё терлась о бабушкины ноги и громко мурлыкала.

Паси помогал отцу: подтаскивал ему доски или приносил инструменты из сарая, когда требовалось.

Отец с утра до вечера строил сауну. На это и ушел весь его отпуск.

Паси, если не надо было помогать отцу, просто сидел на пороге и смотрел, как идет работа. Но иногда он укрывался от жары в сарае или ходил с Юртсе на пляж купаться. Однажды изнурительно знойным днем,

под вечер, когда неподвижный воздух предвещал грозу, Паси тихонько шмыгнул за сарай и там изрубил топором на кусочки и рогатку, и кораблик, и колеса от коляски.

На том и кончилось лето.

КРЕПОСТЬ

Сами был уверен, что Желтый Дьявол обнаружил его и незаметно преследует. У него острый нюх. Никому не удалось бы долго двигаться по лесу так, чтобы Желтый Дьявол не выследил пришельца. И сейчас зверь затаился где-то поблизости, Сами чувствовал это. И вчера, и позавчера у Сами было то же ощущение, но каждый раз он успевал укрыться в своей крепости.

Опасность внезапного нападения увеличивается, если ходить одними и теми же тропинками. Поэтому сегодня Сами выбрал дорогу по краю болота, где густо разрослись стланики. Тут были скользкие кочки, и идти было трудно. Зато здесь он чувствовал себя поспокойнее, чем в низине ручья. Позавчера Сами переправился через ручей в опасной близости от водопоя. И конечно же, большие вмятины в песке на берегу, которые он увидел, были следами крупного зверя. Сегодняшний длинный путь по берегу болота имел еще то преимущество, что все время были видны Хóрнанкáллиот-Хорнаские скалы. Не следовало забывать, что Хорна, по-фински, то же самое, что Ад или Пекло, во всяком случае — место, где и положено жить Дьяволу.

Сами продвигался медленно. Между кочками притаились коварные, черные болотные «окна», затянутые, как кружевной занавеской, ледяной корочкой. Сами перепрыгивал через «окна» с кочки на кочку, но ни на миг не забывал о том, что в кустах может таиться опасность. Время от времени он останавливался, переводил дух и

прислушивался, не шуршат ли стланики, не чавкает ли под чьими-то лапами болото, не хрустнул ли где-то ледок под крадущимися шагами.

Сами находился среди охотничьих угодий Хорнанкаллиотского Желтого Дьявола, которому в это время года было особенно легко прятаться, сливаясь с осенней листвой. Но Сами водил Хорнанкаллиотского Желтого Дьявола за нос уже два дня и сегодня тоже решил его провести. По-другому никак нельзя. Крепость должна быть полностью готова до того, как выпадет снег. Тогда в лесу лучшего укрытия и быть не может.

Болото кончилось, начался подъем в гору. Стланики поредели и сменились высоким травостоем, выцветшим, тускло-безжизненным. Таким сделала его осенняя, злая непогода и пасмурные, короткие дни. Покрытые инеем стебли пригибались под легким ветерком и таинственно, колдовски шуршали.

Это мешало услышать, движется ли кто-нибудь в траве. Напрягая слух и зрение, Сами осторожно шагал вперед, к рожице, отделявшей его от Хорнанкаллио. Ступать стало легче, земля под ногами больше не проваливалась, но спешить без оглядки было бы опрометчиво. Хорнанкаллиотский Желтый Дьявол сумел бы воспользоваться неосторожностью Сами.

Сами до мелочей изучил Желтого Дьявола и его повадки. У зверя был тонкий слух. Он легко находил добычу и умел совсем близко подкрадываться к ней, буквально вжимаясь в землю даже в самых неудобных для этого местах, хотя ростом был около трех метров. Он стремительно бросался на свою жертву с близкого расстояния, ошеломлял ее яростным рыком и вонзал зубы ей в горло. Он был жутко сильным и мог утащить тушу далеко, туда, где он мог есть спокойно и в безопасности. Он был воплощением смелости и силы. Движения его были легкими, гибкими и плавными, но под мягкой шубой работали упругие мышцы и жесткие сухожилия.

Сухостой редел. Начинался крутой, скалистый подъем. Деревья тут росли среди скал, низкие и искривленные. У самого обрыва их уже не было. Ягель и мох, схваченные ночными заморозками, похрустывали под ногами. Взбираться на Хорнанкаллио Сами было трудно, потому что он мог помогать себе лишь одной рукой. Мешала сумка! Она стучалась о камни, цеплялась за все и нарушала равновесие. От нее были одни неудобства. Эх, если бы он мог оставить ее дома!

Последние метры Сами карабкался на четвереньках. Опасность уже почти миновала, но он все равно не мог позволить себе быть беспечным. Желтый Дьявол всегда двигался быстро и ловко, хотя на отвесных скалах и ему приходилось нелегко. Здесь он мог обнаружить себя слишком рано. Да и набрать необходимую для нападения скорость он не смог бы. Сами верил, что тигр на сей раз уже не нападет. Желтый Дьявол был смел и не глуп.

Потому-то Сами и построил крепость именно здесь, место лучше трудно было придумать. Впереди — голые скалы. Их можно охватить единым взглядом. Пятиметровой высоты отвесная скала за спиной обеспечивала безопасность тыла.

Добравшись до крепости, Сами сел на краю скалы и внимательно осмотрел склон. Ни малейшего движения, ни звука. Он внимательно осматривал скалы — каждый камень, каждую расщелину. Горящие глаза-щелки именно сейчас могли наблюдать за ним откуда угодно.

Однако ничего подозрительного видно не было, и Сами с облегчением повернулся к своей крепости. Незаконченная работа ждала его. Нужно было нарастить крепостную стену двумя рядами небольших камней, которые он заготовил накануне. Класть камни на крупные обломки скал было легко. И он приступил к делу без промедления.

После двух часов напряженной работы стена была

окончательно готова. Оставалось только сделать крышу. Сами использовал для нее еловые ветки, которые он натаскал с лесосеки. Самые большие из них были толщиной с руку. Они служили как бы стропилами. Он установил их веером внахлест, втиснув верхние концы в расщелину скалы. А между ветками-стропилами он вплел другие, поменьше. Затем уплотнил крышу большими кусками мха, который содрал с валунов.

Сами действовал последовательно и споро. И дышалось ему легко, потому что ритм работы был равномерным. Осенний день, и поначалу свежий, становился все холоднее. Так что Сами не было жарко. Но ни на миг он не забывал о бдительности: порой внезапно прерывал работу и застывал неподвижно, прислушиваясь. В такие моменты даже парок дыхания не вырывался из его рта.

Лес молчал.

Сегодня тоже удалось оставить Хорнанкаллиотского Желтого Дьявола с носом. Дьявол наверняка обнаружил его, но слишком поздно.

Довольный успешным завершением работы, Сами вполз через лаз в стене в крепость. Пол был выстлан лапником. В крепости царил успокаивающий сумрак. В щели между камнями пробивался бледный свет поздней осени. Сквозь амбразуры в стене Сами оглядел скалистый склон перед крепостью, травостой и болото за ним. И не обнаружил там ничего подозрительного.

Устроившись на лапнике, Сами достал из сумки спички и свечу. При ее дрожащем свете он начал читать записи на смятом листе бумаги. Там были все необходимые сведения обо всех Хорнанкаллиотских Желтых Дьяволах мира. Времени у Сами было предостаточно. Он перечел бумагу несколько раз, запоминая приметы, рост, вес, расцветку животных. Он заучил наизусть особенности характера, привычки, повадки, способы охо-

ты. Чем больше он вчитывался, тем яснее вырисовывался образ врага. Уж теперь-то Желтому Дьяволу никогда больше не удастся доставить ему никаких неприятных неожиданностей, как бы там ни было.

И никому другому не удастся. Они могут называть его Луковицей, с этим уж ничего не поделаешь. Но больше он не станет безропотно носить в сумке кирпичи, если ему опять подложат их в школе, чтобы подшутить над ним. И он больше не позволит, чтобы его запирали в кабинке школьной уборной, а на переменах не разрешит превращать себя в мишень для снежков. Ни Яапи, ни Кольйонен не посмеют больше втирать ему в волосы жевательную резинку и не завяжут узлом рукава его куртки. Все они поймут, что он знает Желтого Дьявола от волосинок усов до кончика хвоста.

Сами читал и перечитывал текст на бумаге, пока ему не стало казаться, что там не осталось больше ни одного слова, ни одной буквы. Бумага была уже не нужна. Он сунул ее в огонь свечи. Пламя ухватило за уголок бумажки, задрожало, будто испугавшись, но тут же осмелело и в считанные секунды охватило весь листок. На лапник падали черные, обуглившиеся хрупкие клочки. Они рассыпались в прах под пальцами.

Он не заметил, как прошло время. Осенний день в этих северных краях короток. За стенами крепости уже опускались сумерки. Сами уселся поудобнее, и тут вроде бы послышался шорох. Он приложил ухо к каменной стене. Кто-то приближается к крепости? Под чьими-то мягкими лапами хрустнул заиндевевший мох? Сами задул свечу. Не выдох ли огромных легких послышался ему в тот же миг? Не мелькнул ли сквозь щели между камнями черно-полосатый мех?

Нет, ничего. Ничегошеньки. Хорнанкаллиотскому Желтому Дьяволу пришлось признать свое поражение. Может, секунду-другую он и находился поблизости, но затем все же ушел прочь. Сами был уверен, что зверь

больше не вернется. Теперь можно с честью идти домой.

Прямой путь был самым надежным. Сами сполз вниз не по тому склону, по которому поднимался, а по противоположному, и всю дорогу бежал по сухой и твердой земле, заросшей вереском. Здесь-то Хорнанкалиотский Желтый Дьявол мог бы легко догнать его, но тигр ушел в другую сторону или вообще отказался от нападения. Окончательно.

На обратный путь Сами не затратил и трети того времени, которое потребовалось ему, чтобы добраться до крепости. Он вспотел и тяжело дышал. В горле противно першило.

Мать была уже дома, когда Сами вошел.

Только тут, в прихожей, он сообразил: сумка-то осталась в крепости.

— Сейчас будет готова еда, хорошо, что пришел! — крикнула мать из кухни.

Сами не сразу нашелся:

— Я не голоден.

Он удивился: это получилось без заикания. Но он не смог бы сейчас проглотить ни кусочка. Даже сглотнуть слюну было трудно. Он пошел в кухню, к холодильнику, и отпил глоток «Яффы». Холодные маленькие иголки царапали горло.

— Где же ты был? — спросила мать.

Не отвечая, Сами направился прямо к своей комнате, но на самом повороте его остановил голос матери:

— Сами! Ты уже выступил с этим докладом? Пролва, что ли?

— Про ти-тигра!

— Ах да. И что сказала учительница?

Сами сосредоточился, сжал кулаки, напрягся, но не смог ничего поделать — слова срывались с губ кусочками:

— Ни-н-ни-ч-чего!

— Ничего? Небось что-нибудь она все-таки сказала?

Сами успел открыть дверь своей комнаты. Он набрал воздух в легкие и пытался произносить слова целиком, но это ему не удалось.

— По-п-почему надо вы-вы-ы-ступать п-перед классом? — почти крикнул он в сторону кухни и бросился в свою комнату. Сердце бешено колотилось. Непонятно почему. Ведь бег по лесу не был таким уж трудным.

А в это время зазвонил телефон.

Он звонил долго. Но Сами не вышел из своей комнаты. Ему приятели не звонили. Мать была занята готовкой и взяла трубку, наверное, только после десятого звонка. Сквозь закрытую дверь Сами слышал:

— Говорит Сойле Лаурила. Да, это я... Добрый день. Так... Сами? Но он каждое утро уходил в школу.

Сами бросился на кровать и зажал уши руками. Но голос матери все равно слышался. Словно сквозь вату.

— Не понимаю... Болен... три дня? Да он... Так... Дома он сейчас, дома, только что пришел. Минуточку, я схожу и спрошу.

Сами закрыл глаза, плотно сжал веки. Хорнанкалиотский Желтый Дьявол поднимался по склону скалы длинными прыжками, как в замедленном фильме. Каждая его мышца работала: напрягалась, расслаблялась... Полосатая шкура переливалась и блестела под солнцем. Прыжок за прыжком, шаг за шагом огромный хищник приближался. Он был уже за дверью. Сами попытался сглотнуть, но не смог. Язык и небо были будто бумажные, в горле тлел огонь.

После долгой тишины за дверью вновь послышались шаги. Теперь они удалялись. В знак поражения. Где-то далеко стукнула телефонная трубка.

Словно сквозь сон, Сами услышал, как мать сказала:

— Можно, я перезвоню вам попозже?

Кайтсу натянул кожаную куртку и глянул на часы. Времени достаточно. На остановку вполне можно дойти за пять минут даже не спеша. К тому же он был уверен, что Яана придет лишь в самую последнюю минуту. «Если придет!» — неприятная мысль, как удар кулаком в лицо. Но чего об этом думать. На сей раз он заставит Яану подождать. Кайтсу затянул молнию и проверил, хватит ли ему денег и на автобус, и на два билета в кино. Затем он быстро спустился по лестнице.

Кольйонен-отец, прилегши вздремнуть после обеда, только что проснулся. Лежа на софе в рабочем комбинезоне, он потягивался, разминаясь. Кайтсу прошел в кухню. По всем признакам — у матери вечерняя смена: на столе в банке кисло молоко, а отцу и даже Сари нет дела до этого. Им все равно. Сари только бы играть со своей собакой. Кайтсу поставил банку с молоком в холодильник и сунул в рот кусочек сыра.

— К девчонкам, что ли? — бросил отец, усмехаясь, когда Кайтсу проходил через гостиную в переднюю.

Отец задал свой вопрос так громко, что и Сари услышала. Она тут же появилась в дверях, повисла, как мартышка, на дверной ручке и съехидничала:

— Кто с таким водиться-то захочет!

— Замолкни, козявка!

Голос Кайтсу утонул в твяканье Йёмины. Известное дело, она пришла Сари на подмогу, будто что-то понимала. Кайтсу терпеть не мог эту собачонку. Сари и Йемина вместе были силой, выстоять против которой удавалось редко. Так и теперь. Окрик Кайтсу лишь раззадорил Сари. Ее резкий голос ранил, как финка:

— Знал бы только, что девчонки о тебе говорят!

Этого Кайтсу не желает слышать. Не сдержавшись,

он зло хлопнул за собой дверь. Он знал, что отец не любит, когда хлопают дверь. Но выслушать родительские нотации на эту тему он успеет и потом. Сейчас ему некогда.

Девчонки! Неужто они все такие, как младшая сестричка! До чего же у нее зоркие глаза, чуткие уши и острый язычок! И она умеет всем этим пользоваться.

В парке было по-зимнему тихо и пустынно. В это время года здесь уже можно было не опасаться приставучих алкашей с бутылками в полиэтиленовых сумках, но еще не было и ребят, катающихся по дорожкам на коньках. Стояли морозные дни, и постоянные летние обитатели парка покинули его, но залить дорожки, чтобы, на радость ребятишкам, превратить парк в каток, городские власти еще не успели.

На автобусной остановке никого не было, и Кайтсу, не задерживаясь, с ходу перемахнув через канаву, вскарабкался по отлогому склону на скалистую возвышенность, прозванную Пйккумётся¹, спрятался там среди сбросивших листву кустов. Кайтсу заранее выбрал этот наблюдательный пункт, откуда под прикрытием сумерек легко можно было выбраться кружным путем обратно на дорогу. И пусть Яана поволнуется там, на остановке, пока не подойдет автобус. Кайтсу появится лишь тогда, когда лучи его фар скользнут по кронам деревьев за горой.

Еще пять минут с лишком. Яана появится максимум за минуту до прихода автобуса. Она постоянно опаздывает, оставляет все на последний момент. И в школе тоже. Неужели все девчонки одинаковые? Кайтсу не знал никого, кроме Яаны, хотя приятели верили, что это не так. Морочить им голову было легко. Пáте и Йорк проглотят что угодно. По воскресеньям они, как малыши, еще ходят на дневные сеансы смеяться над

¹ Пйккумётся (финск.) — лесок.

приключениями утенка Дональда и Плуто¹. И в женщинах они еще ничегошеньки не понимают.

Кайтсу-то знал, как разыгрывать приятелей.

Несколько дней тому назад, когда он возвращался с баскетбольной тренировки, в том же автобусе случайно оказалась «мисс» параллельного класса — Рийта Хаксало. Она села близко от Кайтсу, их разделял лишь проход. И сама с ним заговорила. Оказалось, она в субботу ходила смотреть на их игру, которую они, правда, продали, но главное было не в том. Рийта спросила совсем о другом: «И часто вы тренируетесь?», а потом: «Когда же ты успеваешь учить уроки?»

Кайтсу и в тот момент, и потом, сколько ни думал, так и не смог найти разумного объяснения, почему ее это заинтересовало. Сама она никаким спортом не занималась, а брала уроки игры на скрипке и ходила в балетную студию. Об этом она успела ему рассказать. В тот раз у нее под мышкой была скрипка в футляре и в руках сумка, полная нот.

Они вышли из автобуса вместе именно здесь, на этой остановке, Рийта жила где-то в другом конце парка. Ничего интересного тогда больше не произошло: каждый пошел своей дорогой. Но случившееся дало прекрасную возможность сочинить маленькую историю. Пате и Йорк слушали раскрыв рот.

— И в самом деле весь вечер? Где же вы были?

Отвечать на это было не обязательно. Достаточно было лишь загадочно усмехнуться. Перемена как раз кончалась, и, словно по заказу, Рийта случайно шла мимо. Кайтсу не мог удержаться от искушения:

— Завтра в шесть, знаешь где! — крикнул он, не задуываясь.

Рийта не остановилась, но на ходу помахала рукой.

¹ Утенок Дональд, Плуто — герои мультфильмов знаменитого американского режиссера Уолта Диснея.

Стоило видеть выражение лиц приятелей при этом.

Большого и не требовалось. Девчонки из его класса тут же зашептались, что у Кайтсу опять другая, что теперь он с этой Рийтой из параллельного класса.

Опять другая! До чего же им нравится решать, кто с кем! Впрочем, он сам их на это навел. Однако, когда он остался наедине с Яаной, ему пришлось убеждать ее, что в этих сплетнях нет ни капли правды. В подтверждение своих слов он пообещал повести ее в четверг в кино.

Без одной минуты полшестого. Автобус вот-вот появится, но Яаны все еще не видно. Кайтсу нервничал. Он то и дело посматривал на свои электронные часы. Точка, разделяющая минуты и секунды, равномерно мерцала, цифры на экранчике сменялись. Автобус опаздывал уже на две минуты, но Яана так и не пришла.

Она небось забыла. Или придет лишь к шестичасовому автобусу. Она знает, что и тогда можно успеть, ведь от конечной остановки до «Кино» не больше двухсот метров. Да, но договорились-то на полшестого.

Время тянулось медленно. Кайтсу продрог. Сумерки сгущались, и сидеть в кустах на корточках, притаившись, казалось уже глупым. Он подобрал с земли несколько небольших камней и, чтобы разогреться, стал кидать их в лес. В темноте слышались то резкие удары, если камни попадали в ствол, то шелест — если в ветки. Некоторые прохожие мельком оглядывались на лес, но большинство никак не реагировало на эти звуки.

— Я — ничто, — сказал Кайтсу вполголоса.

Им овладело странное чувство. Совершенно незнакомое прежде, неприятное. Яана к нему безразлична, не считает нужным прийти вовремя, намеренно насмехается. Или же... Или же, разозлившись на сплетни, решила не иметь с ним больше никаких дел. И подделом ему.

Кайтсу присел на камень, размышляя. Если вспомнить подробно все, что было в последнее время, то кое-кто из девчонок в самом деле воротит нос и от его историй, и от него самого. «Уж этого Кольйонена все знают». Дурной знак. И что имела в виду сестренка? Что же о нем говорят?

«Не бери в голову,— уговаривал Кайтсу сам себя.— Спокойно, парень, спокойно. На Яане ведь жизнь клином не сошлась. Не пришла, это даже лучше — финансы сохраняются. Да и картина-то — старье столетнее».

Решение было принято. Ни секунды больше не колеблясь, Кайтсу сбежал вниз по склону, прыгнул на дорогу и пошел домой. В парке навстречу ему попалась лишь старая супружеская пара. Мужчина опирался на трость, женщина семенила маленькими шажками. Они держались за руки, будто заблудившиеся малыши.

У ворот Кайтсу остановился. Нет, дальше он не пойдет. Охота была — идти домой и слушать твяканье Сари и Йемины! Сари стала совершенно невыносимой. Сущее наказание! Да и отец не намного лучше. Вечно допытывается, куда и откуда идешь. Но неприятнее всего, что он пытается разыгрывать из себя приятеля, рассказывая о подвигах юности и о своих приключениях с девчонками. Делится опытом. Вот если бы мать была дома...

Кайтсу не спеша побрел вниз по улице. Куда бы это пойти? В трех кинотеатрах крутили запрещенные для подростков картины — два вестерна и какую-то сальную порнографическую историю. Лишь в «Кино» показывали единственный разрешенный для всех фильм. Но идти туда одному не хотелось. Наливаться пепси-колой в закусочной на набережной тоже не тянуло. Пойти в Сити-туннель, поиграть там на автоматическом бильярде? Но там можно наткнуться на компании парней...

Кайтсу глянул на часы. Без десяти шесть. Уже

издали он увидел, что на остановке никого нет. Конечно же. Если Яана вообще придет, она явится в самую последнюю секунду. «Хорошо бы она все-таки пришла», — Кайтсу поймал себя на этой мысли.

«Держись свободно, естественно. Не показывай, что нервничаешь и продрог. Относись спокойно, спокойно, спокойно...»

Он, не торопясь, направился к остановке. На сей раз у него и мысли не было прятаться в кустарнике и подкарауливать.

«Про ожидание я ей ничего не скажу. Буду просто естествен, чертовски естествен. Она получит прощение, даже если опоздает. Это ничего».

Поднялся ветер. Он нес по дорожке обледеневшие листья. Они хрустели под подошвами ботинок, как сухари, а у подножия скалы, в неглубокой канаве, скопились толстым слоем. Ветер ворошил листья и небрежно швырял их через дорогу, шумел в ветках редких деревьев.

Кайтсу различил в сумерках приближающуюся фигуру и отвернулся, словно бы ничего не заметил. От глубокого вздоха распирало грудь. Наконец-то! Он глянул на часы: без трех минут шесть. Для Яаны это было необычно рано.

— Привет! — услышал Кайтсу позади себя совсем не тот голос, который ожидал. Он быстро обернулся и увидел: Рийта!

— Привет! — кое-как выдавил он. И в тот же момент догадался: сегодня же среда. СРЕДА! А он пообещал повести Яану в кино в ЧЕТВЕРГ!

— Я пришла вовремя, верно? Ты, говорят, точный тип, — сказала Рийта и засмеялась.

Но никакой насмешки и ехидства в ее голосе не было. Это он ясно слышал.

— Ну, да-а...

— Хотя я и не была так уж уверена, где мы должны

встретиться. Но потом подумала, что... Ну, и вот я здесь.

— Угу.

«Спокойно. Не напрягайся. Держись естественно»,— уговаривал себя Кайтсу. Но до чего же трудно быть естественным. Такое ведь не каждый день случается. На мгновение у Кайтсу даже возникли подозрения, не таится ли за всем этим какой-нибудь подвох. Всерьез ли говорила Рийта? Да, всерьез.

— Куда пойдем, Кольйонен?— спросила она.

Кайтсу сглотнул слюну и поддал ногой камушек, который стукнулся о скалу и отлетел обратно, сопровождаемый эхом.

— Я подумал... может... в кино? Мы вполне успеваем.

— Да-а. В «Кино» идет этот замечательный...

— Угу.

Лучи фар, вырвавшись из-за горы, высветили верхушки деревьев. Голые ветки поблескивали, словно облитые нефтью, и сплетались на какие-то мгновения в загадочные сети-лабиринты, пока снова не погружались в темноту, так и не раскрыв своих секретов. Шестичасовой автобус притормозил на остановке точно, минута в минуту.

КЛЮЧ

Из облака пыли вынырнул кашляющий «Ямаха». Он резко свернул с шоссе, глубоко приседая, одолел неглубокую канаву, пропрыгал, взвизгивая и дребезжа, по кочкам заливного луга до самого берега и затих у корней плакучей березы.

— Что это с ним?

— А ну, прочь!

— Юртсе?!

Покрытый пятнами ржавчины и похожими на копоть комочками пыли, смешавшейся с маслом, мотоцикл потрескивал, словно ревматик суставами. Железо устало! В безветренном воздухе долго воняло бензином. Сари соскользнула с заднего сиденья на землю, сняла шлем и откинула волосы на плечи.

— Мировое тут место!

— Вот дьявол!

— Ты всегда такой?

— Не понимаешь, что ли? Пётри в пять будет дома.

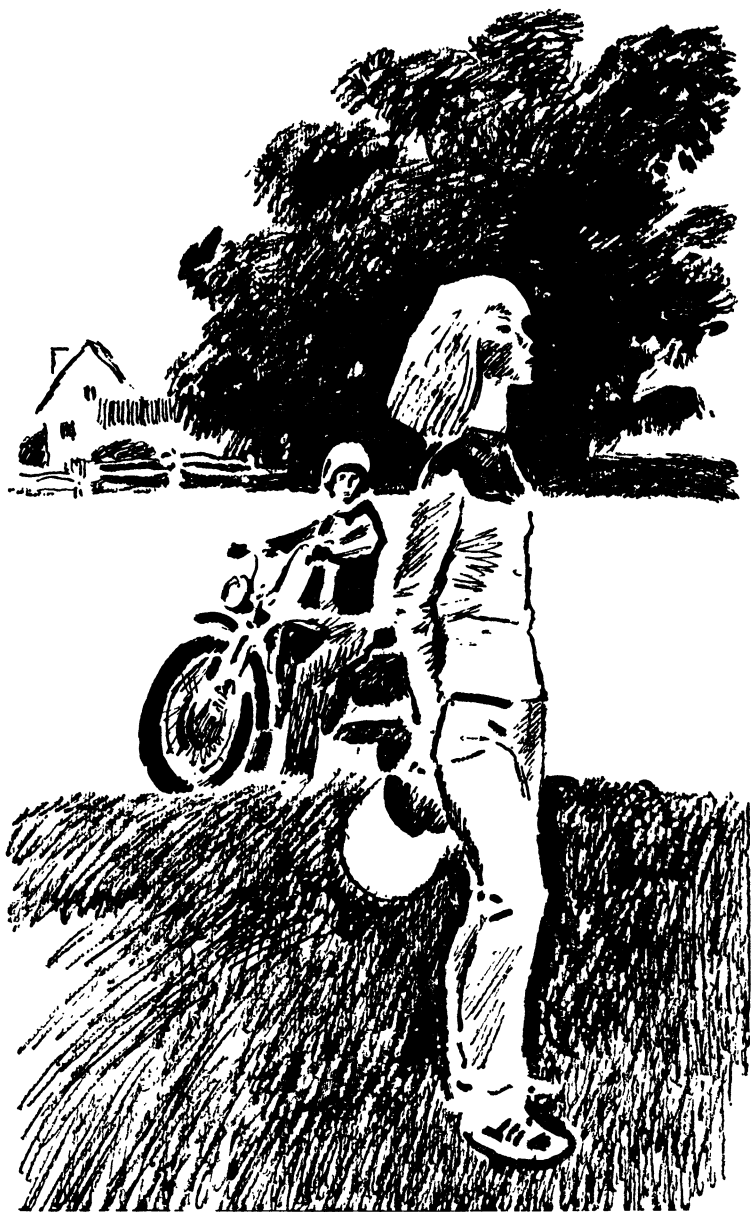
— Ой, ты и про часы знаешь!

Сари повернулась к Юртсе спиной и смотрела на озеро. Солнце проглядывало между облаками, как перезрелый апельсин, и множилось, отражаясь в волнистой воде. Где-то неподалеку пела птица.

Юртсе соскочил с седла, пнул в сердцах мотоцикл и, расставив ноги, остановился за спиной у Сари, почти вплотную к ней. Она отошла к берегу и, встряхивая головой, как ипподромная лошадь во время представления победителей в заездах, расправляла волосы. Знакомое движение. Иногда Сари начинала капризничать, и тогда, ни с чем не считаясь, она умела настоять на своем. Поэтому Юртсе уступил и взял мотоцикл. Долго слушать, как Сари канючит, он был не в состоянии. Неудивительно, что о Петри он даже не вспомнил. А теперь... Юртсе выругался — теперь придется толкать мотоцикл до самого дома, если не удастся наладить его и завести. Времени же оставалось совсем мало.

— Иди сюда, помоги!

Сари не пошевелилась. Гагара нырнула в золото солнца, которым отливала вода, и долго не показывалась, потом вынырнула далеко от берега с серебряной рыбой в клюве. Сари не спеша подошла к Юртсе, посмотрела ему в глаза.

— Бензин? Я могу купить.

— Черт! В баке полно бензина.

— Так в чем же дело?

— Инфаркт. Правда. У старика свечи шалят.

Петри говорил ему об этом, но разве что-нибудь вспомнишь, когда Сари подначивает и обзывает трусом. Сари знала его слабое место. Но когда он изредка пытался, как сегодня, приблизиться к ней, слегка обнять, она сразу отталкивала его и била по рукам. Для нее существовали лишь стремление куда-то, скорость и запах бензина. Все остальное для нее ничего не значило. «Проветриться», «сменить пейзаж» — вот что ей требовалось. В крайнем случае она могла удовольствоваться знакомыми проселочными дорогами.

— Когда я получу права и поступлю на работу, куплю себе «тачку». Тогда поедем. И далеко. И не придется больше задыхаться от пыли.

— Послушай. Что это за птица?

Юртсе рассердился. Ей бы только птиц выслеживать! А на его слова она и внимания не обращает. Он снял перчатки, смял их и готов был бросить под березу, но рука замерла в воздухе. Взгляд скользнул по сухой траве, и бросок не состоялся. Он быстро скосил глаза на Сари. Она, похоже, ничего не заметила. Она все еще прислушивалась к голосу птиц. Юртсе подошел к мотоциклу и принялся копать в ящичке для инструментов. Нужно хотя бы почистить свечи — а вдруг поможет.

Однако Сари все-таки заметила. Присев на корточки около березы, она разгребала прошлогоднюю траву. Потом поднялась и подбежала к нему:

— Ты видел?

— Дай-ка ключ для свечей,—скомандовал Юртсе.

— То яйцо...

— Уже полпятого.

— Оно наверняка выпало из гнезда.

— Ключ сюда, женщина.

Сари, как робот, вынула ключ из чехла, но забыла зачем и побежала обратно к березе. Юртсе не понимал, что с ней. Она стояла под деревом, закинув голову и уставившись на что-то вверху, между ветками. Правую руку она подняла к подбородку. Юртсе завороченно смотрел на Сари, смотрел и видел: изгиб шеи и дугу руки, волосинки на тыльной стороне ладони, волосы плавными волнами, как вода на озере...

— Вон там!

Рука Сари вытянулась, указывая куда-то в гущу веток. Юртсе пнул ногой колесо, подошел к Сари и посмотрел туда, куда она указывала. Сквозь зелень молодой листвы ему с трудом удалось различить кругленький комочек величиной с кулак. Он покачивался на развилке ветки, совершенно недостижимый с земли.

— Чудо! — воскликнула Сари.

— Гнездо?

— Что яйцо не разбилось! Надо положить его обратно в гнездо.

Птица стремительно пролетела мимо. Другая сидела на ветке и кричала, надрываясь. Юртсе еще не снял шлем, только задрал вверх плексигласовое забрало. Демонстративно не взглянув на Юртсе, Сари нагнулась и раздвинула пожелтевшие стебли. Маленькой рукой она что-то осторожно достала из гущи стебельков и сухих листьев и показала Юртсе.

В чаше ладони лежало голубовато-зеленоватое яйцо с коричневыми крапинками. К нему прилипла пушинка. Она шевелилась, когда Сари говорила:

— Если сделаешь это, я больше не попрошу тебя ни о чем.

— Чокнутая! Чтобы я лез на дерево! С яйцом во рту.

Глаза Сари сверкнули.

— Тебе все безразлично. Тебя никогда ничто не интересует!

— Но как же я доставлю его туда целым и невредимым? — услышал Юртсе собственный голос.

Сари протянула к нему руку.

— Оно еще теплое.

— Конечно. День-то солнечный.

Рука Сари не шелохнулась. Она была как ветка, естественным продолжением которой были пальцы, как бы создавшие гнездо. Яичку уютно было лежать там.

— Ключ. Дай этот ключ для свечей.

— Этого я тебе никогда не прощу.

— Дай сюда ключ, женщина!

— Трус! Сопляк! Болван!

Юртсе не слушал. Одной рукой он схватил руку Сари, в которой лежало яйцо, и придержал ее. Яйцо вздрагивало на ладони. Другой рукой Юртсе выхватил ключ и, поднеся его к ладони Сари, закатил яйцо в отверстие ключа, как в мундштук. Даже не взглянув на изумленную Сари, он полез на березу. Это было трудным делом, ведь ключ все время требовалось держать в губах стоймя, чтобы яйцо не вывалилось.

На полпути торчала сухая ветка. Она выдержала Юртсе, хотя и трещала угрожающе. Юртсе достиг нужной высоты. Теперь оставалось преодолеть еще один метр по горизонтали. Терпеливо, сантиметр за сантиметром он продвигался вперед и сумел протянуть ключ с яйцом к краю гнезда. Осторожно наклоняя ключ, он выкатил «беглое» яйцо к другим, лежавшим в гнезде.

Едва он успел сделать это, как ключ выскользнул у него из пальцев. И тут Юртсе понял, почему яйцо осталось целым, пролетев из гнезда несколько метров вниз: путь до земли был свободен, а возле корней березы бедолагу нежно приняла пожелтевшая густая высокая трава.

Сари увидела падающий ключ и подобрала его.

— Удалось!

— Я еще не спустился отсюда.

Перепуганная птичья пара металась с места на место и вопила во все горло. Но Юртсе ничего не видел и не слышал. Спускаться оказалось труднее, чем лезть вверх, ведь теперь он не видел, что там под ногами, что его ждет. И на сей раз ему не повезло. Вдруг резко, как выстрел, треснула сухая ветка и, отломившись, проложила себе путь сквозь листву. Юртсе сорвался, потеряв опору, и тут острый сучок безжалостно проткнул его кожаную куртку. Кожа лопнула со странным звуком. Сари услышала это.

— Юртсе, что там с тобой?

— Я повис на сучке. Женщина, вызови полицию, пожарных, армию спасения! Делай что угодно!

Юртсе оказался в очень неудобном положении. Что творится внизу, под березой, ему не было видно. Он попытался глянуть из-под мышки, но увидеть Сари не смог. Оттуда, где остался мотоцикл, слышалось брнчание металла. Юртсе потянулся, куртка затрещала, и он в отчаянии схватился обеими руками за качающуюся ветку повыше. Сквозь листву он наконец увидел Сари. Она возилась с мотоциклом. Что она делала, можно было понять по ее резким движениям. Она отсоединила провод и ключом откручивала свечи.

— Ненормальная! Что ты творишь?

Сари будто не слышала. Потом она швырнула что-то далеко на луг и подбежала к березе.

— Ты замечательный! — звонко крикнула она и прыгнула на нижнюю ветку.— Спешу тебе на помощь!

Точно в четыре, разорвав яростным звонком тишину, будильник пустился в истерическую пляску на краю стула. Высунувшаяся из-под одеяла неуверенная рука успела в последний миг спасти будильник от падения на пол. Палец нажал на кнопку звонка. Звук отдавался от стен еще мгновение. Затем рука откинула одеяло в сторону и глубокий вдох очистил легкие от застоявшегося в них во время сна воздуха.

— Вставай, слабак! Сразу! — скомандовал себе Яапи.

Он поднял голову из вмятины в подушке, привстал, сел и протер заспанные глаза. Возникло желание юркнуть обратно под теплое одеяло, но он уже знал по опыту, как легко овладевает человеком сон. Две недели назад Яапи уступил такому желанию и проснулся затем лишь в семь. И утро тогда оказалось потерянным. Он заставил расслабленное тело подчиниться и встал. Он не мог позволить себе потерять еще одну субботу, лучший день для сбора.

Через несколько минут Яапи, крадучись, спустился из комнатенки мансарды. С нижнего этажа слышались какие-то звуки. Неужели отец вернулся? Яапи открыл дверь и заглянул в комнату. Противный, едкий запах ударил в нос. Эх, опять сестренка!.. Она спала в своей кровати, выставив попку кверху. Мокрые пижамные штаны облепили тело.

Кровать отца стояла пустой. Так Яапи и думал. Мать повернулась на другой бок и вздохнула, почти просто-нала во сне. Была видна ее обнаженная рука. Синяки — следы последней стычки с отцом — выделялись на белой коже, хотя в комнате было сумеречно. Лицо матери... «Такие лица, изборожденные морщинами, оплывшие от сна, с тенями под глазами от бессонных ночей, бывают лишь у очень старых женщин», — подумал он, прикрыл дверь и пошел в кухню.

В кухне был обычный беспорядок: немытая посуда стопками и по отдельности там и сям. На столе кофейные пятна, хлебные крошки, засохший обрезок колбасы... Клеенка-скатерть разрезана ножом. Дверцу холодильника оставили с вечера приоткрытой. От растаявшего льда на пол натекла лужа. Яапи хлебнул молока из банки. Теплое. Он поставил банку, захлопнул дверку холодильника и пошел во двор.

Восходящее солнце слепило глаза, а ласточки, охотящиеся на утренних мух, пронзительно кричали. Яапи набрал полные легкие свежего воздуха. В глазах прыгали черные точки, руки и ноги зудели. Остатки сна улетучились, когда он прошел по покрытой росой траве. От теннисок Яапи протянулся длинный темный след, ведущий через двор прямоком в сарай.

У Яапи уже выработалась своя система: он с вечера приносил в сарай сумки и полиэтиленовые пакеты. Так что утром оставалось лишь сесть на велик и крутить педали. Шестеренка угрожающе скрипела, и цепь вот-вот могла соскочить с зубцов. Следовало быть поосторожнее, матери ведь ехать на велосипеде на работу, и его требовалось вернуть домой к восьми часам в целости и сохранности. В распоряжении Яапи было четыре часа, чтобы совершить обычный объезд.

В начале улицы Туули разносчик газет катил свою тележку. Только он и попался навстречу Яапи, других прохожих не было. Порой Яапи думал о приятелях. Они сегодня дрыхнут до полудня. Оно и лучше. Уж они бы понасмехались над ним, если бы узнали. Рóоки и Рётку—эти наверняка, а Эллу, пожалуй, смогла бы понять, хотя и она порой реагирует неожиданно.

В стекле витрины универсама «К» Яапи увидел свое отражение: нелепо, однако, выглядит парень, согнувшись на женском велосипеде, руль которого обвешан сумками. «Как старуха Лёйно»,—подумал он. Она так боялась воров, что всегда носила часть личного

имущества с собой. Яапи улыбнулся своему отражению. Осенью можно будет гонять где и как угодно — на своем десятискоростном. А до тех пор придется потерпеть.

Первую остановку он всегда делал в сквере. Это было не слишком хорошее место: там веселые компании не располагались, через сквер они шли дальше. Все же в мусорных ящиках иногда попадались пивные бутылки, особенно на углу гриль-бара.

Яапи обшарил все мусорные баки, но нашел лишь несколько бутылок из-под пильзенского пива. За гриль-баром, разрывая носком теннисок кучу оберточной бумаги, он наткнулся на две водочные бутылки. Не задерживаясь, Яапи поехал дальше, в Пиккумется, который обычно тоже был не слишком прибыльным местом. Теперь в затоптанных кустах нашлись три бутылки из-под рябиновой наливки и одна из-под вина «Золотая осень» — любимой марки отца. В кустах крапивы валялся потерянный кем-то спяну зубной протез. И больше ничего. Несколько бутылок, словно назло, были разбиты о камни. Здесь было столько битого стекла, что приходилось внимательно смотреть под ноги и ступать осторожно. В лучах утреннего солнца осколки сверкали так, словно весь Пиккумется был усеян драгоценными камнями.

На Пиккумется он потратил слишком много времени. А каждая потерянная минута могла ему дорого обойтись. Яапи был не единственным сборщиком бутылок. Его конкуренты — маленькие мальчишки промышляли в этих же «охотничьих угодьях», но обычно только днем. Самым опасным конкурентом был старик Рóму-Рейска, который жил в начале улицы Түоми в старой хижине. И ему, и его хижине наверняка сто лет. Рейске годился любой хлам. Но особенно усердно он собирал бутылки. Однако Рейска передвигался пешком и начинал действовать только после шести. Это Яапи выяснил сразу в начале лета. Воображая, что на самые

«урожайные места» он успеет первым и к семи, Яапи раза два натыкался на Рейску и оставался ни с чем. С тех пор Яапи уже не позволял Рейске опережать себя, не считая той субботы, когда проспал.

Из Пиккуметса Яапи выбрался на шоссе. Бутылки в полиэтиленовых пакетах, висевших на руле, позвякивали. Теперь Яапи ехал к площадке у шоссе, специально отведенной для остановки автомобилистов. Какие-то «туристы», подкрепившись, отправились дальше в путь, не убрав за собой. Картонные тарелки и смятые тонкие пластмассовые кружки валялись на асфальте и на обочине. Мусорные баки были доверху наполнены полиэтиленовыми пакетами с остатками пищи и другим мусором. Приторный запах пищевых отходов манил к бакам стаи мух. Злые и по-утреннему сонные, они кружились в воздухе, когда Яапи опрастывал мусорные баки. На дне он нашел сунутый туда каким-то бродягой транзисторный приемничек. Несколько пакетов с мусором валялись в придорожной канаве. В одном из них оказалось настоящее сокровище: пять литровых бутылок из-под минеральной воды «Виши». А ведь цена каждой такой бутылки равна трем пивным. И другой пакет позвякивал обнадеживающе, но хотя в нем и лежало восемь маленьких бутылок, все они не годились. Шведские. Это было видно по этикеткам.

Яапи кинул пакет обратно в канаву. Звонко звякнуло. По-шведски. Мать переселяется в Швецию к своей сестре. Она уже несколько раз грозилась. Чудо еще, что она так долго продержалась с отцом. А что же с ним-то будет? Маленькую сестренку мать возьмет с собой. Впрочем, возьмет ли? А если она оставит ее Лээне? Яапи сплюнул. Во рту противный вкус. От этой Лээны он старался держаться подальше. Пусть отец лучше сам заботится о сестренке, если может. Яапи вытер грязные руки о траву, погрузил бутылки в сумки и поехал к центру города.

За спортплощадкой было, безусловно, лучшее место. Там вечерами по пятницам располагаются компании и наливаются пивом. Подходящее место для приятного времяпрепровождения — ровная травянистая поляна до самого ручья, там и сям низкие кусты, да еще укрывающая от лишних взоров дощатая ограда площадки. Нигде ни одного камня, о которые можно бить бутылки.

Яапи поставил велосипед в углу забора, у начала дорожки. С первого же взгляда было видно, что по поляне разбросано более десятка бутылок. Собрать их не составляло труда. Место оказалось действительно урожайным: целых три сумки пивных бутылок и несколько из-под вина — всего почти пятьдесят. Кроме того, нашлась смятая мокрая купюра в десять марок, которая валялась под кустом. Охваченный азартом поиска, Яапи ходил от куста к кусту, не отрывая взгляда от земли, и нашел еще две монетки. Но долго задерживаться тут он не мог. Ему предстояло еще обследовать кладбище, автобусную станцию и Набережную.

Ехать стало трудно. Сумки били по коленям и по спицам переднего колеса. Велосипед вилял из стороны в сторону.

Обследование кладбища оказалось напрасной потерей времени — всего одна бутылка, да и та не годилась для сдачи в «Алко». Видимо, кто-то пытался залить горе коньяком. Когда-то отец тоже принес домой бутылку коньяка, сидел с матерью за столом в кухне и угощал ее. Это было давно. Те времена Яапи помнит смутно, вернее, помнит лишь материнское хихиканье, когда она опьянела. Гораздо лучше запомнились стычки и ссоры между родителями. Отец приходил пьяным. Хлопали двери, звенела посуда. Яапи не хотел видеть этого, он убегал на улицу, или на чердак, или еще куда-нибудь.

К автостанции Яапи всегда приближался осторожно.

Однажды он чуть не натолкнулся здесь на отца. А ему не хотелось, чтобы отец знал, чем он занимается. Но по-видимому, на сей раз опасаться было нечего. Первый автобус отправляется отсюда лишь через полчаса. За автовокзалом и гаражами нашлось полдюжину бутылок из-под столового вина и водки. Пивом на этих углах не довольствовались.

Было уже полседьмого, когда Яапи начал поиски на Набережной. Вода в реке стояла низко, и поэтому береговые откосы сделались высокими. Здесь, на берегу, любят сидеть старики. А они после себя много бутылок не оставляют. К тому же кое-кто из них и сам собирает бутылки, с деньгами-то у них негусто. Яапи вел велосипед рядом с собой и присматривался к каждой кочке — не блеснет ли где бок бутылки. Но так ни одной и не нашел. Может, Рейска уже успел обшарить берег?

Около первого моста Яапи остановился. Поставив велосипед на откидную опору, он спустился к самой воде. Под мостом ему иной раз случалось находить немало бутылок.

Яапи брел в высокой траве к мосту. Кто-то прошел здесь раньше его: след был ясно виден, хотя приотпавшие стебли уже выпрямились. Внизу, в тени, под опорами моста виднелся какой-то неопределенной формы коричневый узел и куча газет. Когда Яапи приблизился на несколько шагов, узел зашевелился и из вороха газет высунулась человеческая голова. Глубоко на лоб была надвинута поношенная кепка. Из-под нее из щели между оплывшими веками смотрели на Яапи два покрасневших глаза. Яапи не знал, как поступить и что сказать. Он остановился и ждал. У такого дядьки ведь может оказаться пустая бутылка, а то и две.

Мужчина отпихнул газеты в сторону, сел и поплотнее завернулся в свой коричневый пиджак. Его сильно знобило.

— У тебя закурить найдется?

Яапи отрицательно покачал головой.

— И что ты тут вынюхиваешь, а?

— Бутылки,— сказал Яапи покорно.

Мужчина оживился. Невероятно грязной рукой он стал разгребать ворох газет. При этом он чуть было не потерял равновесие, но удержался на ногах, ухватившись за стойку моста. В неудобном, полувисячем положении, покачиваясь, он продолжал разгребать газеты.

— Ёнски, у тебя есть бутылка? — прохрипел он.

Только тут Яапи догадался, что под газетами и тряпками лежит еще один пьяница. Его нога поднялась из газетной кучи, как перископ подводной лодки. Затем показался весь мужчина. Знакомый... Яапи вздрогнул: отец!

— Ёнски, бутылку! — бормотал первый алкаш. Его охватил приступ хриплого кашля. Рука соскользнула с бревна, и он шлепнулся на землю, словно вдруг лишился позвоночника.

Отец усталился на Яапи. Не узнал сразу.

— Где у тебя бутылка? — опять спросил тот, в коричневом пиджаке.

Откинувшись, он напрягался, пытаясь встать, под мышкой у него была газета. На первой ее странице стреляла пушка. Вырвавшееся из ствола лохматое пламя заслонило горный хребет на заднем плане. На площадке возле пушки там и сям валялись гильзы. Одна еще дымилась. Солдат в каске только что отбросил ее к остальным. Далеко в долине горела маленькая деревня. Там царили страх и смерть.

Яапи смотрел на отца в упор. Должен же он узнать. Яапи хотелось, чтобы отец узнал его. Отцовский приятель наконец уселся.

— Парень собирает бутылки! — крикнул он.

— Пустые,— сказал Яапи.

От усталости у Яапи немели руки и ноги. Не нужно

было останавливаться так надолго. Он перенес центр тяжести на другую ногу. Помогло лишь на минуту.

— Это мой сын!

— Унски, где же она?

Мужчина копался в газетах. Казалось, это доставляет ему удовольствие. Он разгребал газеты, суетливо рылся в них. Когда он распрямил свою тушу, в руке у него была бутылка из-под «Золотой осени». Отец оставался верен своей марке.

— Возьми, парень. Пустая. Зачем она тебе?

— На велосипед. Я куплю велосипед.

— И куда на нем? — спросил отец.

— Далеко.

— Далеко? Ты ведь мой сын. Разве не так? Эй, Маса, он пойдет далеко.

— Какой еще Маса? Я ведь Тáne.

— Заткнись, Маса. Я говорю о сыне. Он далеко пойдет.

— Ну да, ну да.

Яапи сжал зубы. Ноги подкашивались. Казалось невозможным брести обратно в травостое, лезть вверх по откосу и затем до самого дома идти рядом с велосипедом и катить его. Который теперь может быть час?

— И сколько же тебе надо бутылок? — спросил отец неожиданно деловито.

— Три тысячи.

Если считать и сегодняшнюю добычу, ему не хватало примерно восьмисот бутылок. Подумав про это, Яапи приободрился. У него было почти девятьсот марок, вырученных за бутылки, и, кроме того, еще двести, заработанных распространением предвыборной рекламы.

— Вот еще одна, — прохрипел приятель отца и протянул Яапи бутылку, но в последний момент отдернул руку, запрокинул голову и вытряхнул последние капли из бутылки в рот. Только после этого он отдал ее Яапи.

— Три тысячи! — сказал отец глухо, вполголоса и, опустив голову, спрятал лицо в ладони. Сквозь растопыренные пальцы слышалось: — Не хватит, сынок, даже для начала.

Яапи проложил для себя новый путь через травостой — самый прямой и короткий. Выбравшись на асфальт, он сунул бутылку в сумку, сел на велосипед и принялся крутить педали. Остальной берег пусть остается не обследованным, Яапи должен поскорее попасть домой и успеть еще вздремнуть.

Мать уже проснулась, она сидела в кухне за столом и пила утренний кофе, когда Яапи вернулся. Маленькая сестренка еще спала. Заметила ли мать, что девочке надо сменить белье?

— Ну как? — спросила мать.

— Нормально.

— Удачно?

— Угу.

Бодрствующая мать выглядела совсем иначе. Она то и дело улыбалась, морщины на лице разгладились, в глазах тот же блеск, который Яапи помнил с детства.

— Присмотришь за Пяйви? До двенадцати. Потом придет Леэна.

— Угу.

— Если отец случайно...

— Да не придет он.

Яапи хотел произнести это совсем другим тоном, но не сумел. Мать догадалась, но ни о чем расспрашивать не стала. Взглянув на часы, она принялась готовить себе бутерброды, предложила бутерброд и Яапи, но он поднялся к себе в комнату не евши, не пивши.

Со стены Яапи знакомо приветствовал ансамбль «Бони М». Но у Яапи не было сил веселиться. Ноги казались свинцовыми, в голове стучало. Он сбросил с ног тенниски, снял пуловер и джинсы и упал в постель.

Едва он закрыл глаза, как ему представилась ровная площадка, а на ней повсюду пустые бутылки, как следы сражения.

Три тысячи бутылок! И даже больше. Яапи вздрогнул и резко сел. Три тысячи бутылок! Пустых! Их же сначала кто-то должен выпить!

ЗОЛОТИСТЫЙ СПАНИЕЛЬ

Сари оперлась о парту и переступила с ноги на ногу. Во рту пересохло, и глаза застилало туманом, но она решила, что не заплачет, не подаст даже виду. Она плотнее обмотала поводок вокруг руки и сжала кулак. Классная руководительница листала записную книжку и постукивала ручкой по столу.

— Пропусков довольно-таки много.

— У меня была... простуда.

— И вчера ты ушла из школы посреди уроков.

— У меня голова болела.

— Фельдшерица была в школе. Но ты к ней не пошла.

Ну что тут возразить, если классная все равно понимает, что она врет. Объясняй как угодно — бесполезно. Не стоит и объяснять. Сари нащупала пружинный замок поводка. Пусть бы уж классная сказала что-нибудь, оставила бы после уроков или дала записку родителям. Что угодно, лишь бы можно было уже уйти.

— Ну а записка от родителей?..

Сари вздрогнула, словно кто-то ткнул ее иглой. Ну чего она еще придирается!

— Я... я ее потеряла.

— Само собой разумеется.— Классная руководительница кивнула, выдвинула из корпуса шариковой ручки стержень и принялась писать на розовом листочке.

Думать о том, что скажет мать или отец, когда увидит эту записку, у Сари не было сил. Да ей попросту и не хотелось думать. Все казалось безразличным.

Яана и Мйнна поджидали Сари на школьном дворе. Больше никого там не было. Но сейчас Сари не хотелось видеть даже их. Она сбежала со школьного крыльца и, не замедляя шагов, поспешила к воротам.

— Что она тебе сказала?

— Оставила после уроков?

Они побежали было вслед за Сари, но вскоре отстали, поскольку она даже не оглянулась на них. Сари слышала, как Минна у нее за спиной сказала:

— Совсем свихнулась!

Пусть говорит что угодно. Это ее не волнует.

Она продолжала идти не оглядываясь. Лишь на перекрестке удостоверилась, что девчонки не увязались за нею.

Сами они свихнулись! Никто их за язык не тянул, они первыми наябедничали учительнице о ее прогулах! Но что она могла поделать? Она была не в состоянии ходить в школу, когда мысли ее возвращались все к одному и тому же. Утром, стоило лишь проснуться, она первым делом думала об этом и заканчивала день с теми же мыслями. И это не прекращалось. Она не решалась закрыть глаза, ибо перед нею сразу возникало все то же видение: мохнатые лапы, дергающиеся в луже крови. Как ей хотелось избавиться от этого видения. Забыть!

В парке было малоллюдно, на детской площадке лишь двое малышей. У них красные пластмассовые санки. Малыши кидались ничком на санки и неслись по обледеневшему спуску с горки и так кричали, что в ушах звенело. Секунду-другую Сари понаблюдала за их забавами. До чего же они были беззаботными. Если у них и случаются какие-нибудь неприятности, они наверняка тотчас забывают об этом. Она и сама так умела.

Сари пошла по аллее парка. Она шла домой, а обмотанный вокруг руки поводок размотался, как бы случайно, застежка брякнула, упав на оледенелую дорожку, и, позвякивая, волочилась сзади. На сей раз Сари хотела вновь пройти знакомым путем из конца в конец.

Раза два ей слышалось позади тяжелое дыхание и постукивание когтей, и она резко оборачивалась. Но то были лишь звуки, которые издавал волочившийся по слежавшемуся снегу и задевающий за мелкие препятствия на пути поводок. Несколько раз Сари ощущала знакомое натяжение, но... просто пряжка застревала в расщелинах льда. Сари дергала сердито, выдирала застрявшую застежку и бодро продолжала путь. И все же, подходя к пересечению аллеи, она свернула. Нет, на сей раз она не пойдет через тот перекресток. Слишком тягостное место для прогулки.

Уже сгущались сумерки, когда Сари дошла до Пиккумется, небольшого леска, зажатого между шоссе и складскими пакгаузами строительной фирмы и врезавшегося клином в район частных особнячков. В последние полгода Сари хорошо изучила Пиккумется. Через него вел самый короткий путь к дому. Но сейчас Сари немного побаивалась, потому что была одна. Пиккумется больше не казался ей местом веселых прогулок, каким был еще неделю назад. С замиранием сердца шла она по узкой, извилистой тропке. За деревьями мелькал свет фонарей.

Что-то необъяснимое заставило Сари остановиться на опушке. Никаких необычных звуков она не слышала. Лишь шорох собственных движений. Все-таки она огляделась вокруг. Кто-то мелькнул между деревьями? Или завихрился снег? В сугробе рядом с тропинкой она заметила множество закругленных следов. Они были повсюду. В лесу было полно этих оставленных собачьими лапами следов — знаков необузданного бега.

Сари обернула поводок вокруг руки. Застежка не

звякнула, как обычно. Она осталась открытой. Достаточно легкого рывка, и поводок не смог бы никого удержать. Сари улыбнулась. Она подняла упавшую с ели шишку и кинула ее в сумрачную глубину леса. И тогда она ясно услышала похрустывание снега, поскребывание когтей по обледеневшим дорожкам и тяжелое, пыхтящее дыхание. Снег вихрился, лес жил. Шальной, необузданный бег между деревьями продолжался, продолжался, продолжался...

Отец еще задерживался на работе, но мать уже давно была дома и беспокоилась, почему Сари так долго не возвращается. Ничего не объясняя, Сари достала из сумки розовый листок и, направляясь в свою комнату, как бы мимоходом сунула записку матери. Но мать остановила Сари:

— Что это значит? Столько беспричинных пропусков.

— Они не беспричинные,— сказала Сари и закрыла за собой дверь.

В комнату мать за нею не пошла.

Ничего не хотелось делать. До школьной сумки Сари и не дотрагивалась, а на расписание уроков даже не взглянула. Она ведь знала его и так. Четверг: география, математика, родной язык... Она взяла с полки самую новую кассету и вставила в магнитофон. Легкое нажатие пальцем, и «Dance with me»¹ Дэвида Бови наполнило комнату. Где-то на середине песни Кайтсу, не постучавшись, вломился к ней в комнату.

— Где у тебя «скотч»?— спросил он, собираясь уже покопаться в ящиках ее стола.

— Убирайся. Не имеешь права лезть туда!

— Не в духе? Что с тобой?

— Тебя не касается.

¹ «Dance with me» (англ.)— «Давай потанцуем».

— Все еще из-за этой собачонки?

— Нет у меня «скотча»!

Кайтсу оставил ящики открытыми. Известное дело. Он всегда носился по дому как ураган, и после него все вещи оставались разбросанными как попало.

— Откуда у тебя такая запись? Бови, верно?

— Это моя кассета.

Насвистывая, Кайтсу рыскал по комнате, перекладывая вещи с места на место. Осмелел теперь. Неделю назад он держался отсюда подальше. Он не выносил лая. Шел бы уже. Сари поднялась. Бови спел свое, настала очередь ансамбля «Кая-гоу-гоу» и «Ти Шай».

— Значит, «скотч» не у тебя?

— Уберешься ты, в конце-то концов?

— Спокойнее, сестричка! Между прочим, у тебя глаза такого же цвета, как у твоего...

Это было уже слишком. Кукла-талисман, пролетев через комнату, угодила Кайтсу в лицо. Сари сжала зубы, но все равно заплакала. Кайтсу догадался убраться, не произнося больше ни слова.

Незадолго до ужина вернулся со своей сверхурочной работы отец. Сквозь дверь Сари было слышно, как он о чем-то разговаривает с матерью, Сари догадалась, о чем это они. А минуту спустя отец уже стоял в дверях ее комнаты. Сари достала из сумки учебник географии и сделала вид, что читает.

— Как дела в школе?

Всегда он начинал одинаково. Но теперь он подошел к ней и ткнул пальцем в поводок, намотанный на руку.

— Ослабила бы немного, чтобы кровообращение не нарушалось...

Сари не смотрела на отца. Она пыталась разглядеть на карте Финляндии обведенные красными кружками месторождения железной руды, но карту застилало

туманом. Отец опустил свою большую ладонь на ее плечо. Его голос долетел откуда-то издалека:

— Побеседуем?

*

Утром в школе Сари удалось остаться в одиночестве. Яана и Минна держались в отдалении, довольствовались лишь тем, что бросали пронзительные взгляды. Впервые после недельного перерыва Сари пришла в школу с приготовленными домашними заданиями. Она сделала их вместе с отцом. Такого уже давно не случалось.

На первой же перемене Сари заметила, как тесен школьный двор. Здесь негде было укрыться от чужих глаз. На большой перемене она выскользнула за ворота на улицу, хотя школьные правила запрещали это. Она не могла больше вынести взглядов исподлобья, бросаемых на нее девчонками, их кривых усмешек и перешептывания. Хотя их можно было понять. Они ведь ничего не знали.

На четвертом уроке было сочинение. Учительница написала на доске темы. Их выбор не радовал: «Зимняя природа», «Случай во время зимних каникул», «Мои планы на лето»... Но предпоследняя тема — «Мой лучший друг» пришлась Сари по душе.

Долго не раздумывая, Сари раскрыла тетрадь и принялась за дело. Учительница еще растолковывала темы, а Сари написала уже полстраницы.

— Ты какое пишешь? — шепотом спросила Минна.

Сари удивилась. Пытается наладить отношения? Сари постаралась изобразить приветливость, но в глазах ее была ярость, когда она наклонилась к Минне и шепнула:

— «Мой лучший друг».

— Ну? И я тоже.— Минна кивнула, довольная.

«Кто ее лучший друг? — подумала Сари. — Небось Яана?»

Когда сочинение было готово, Сари, закончив писать, взглянула на часы. Оставалось еще предостаточно времени, чтобы проверить и исправить ошибки. Она размотала поводок, все еще накрученный на руку, и положила его в сумку. Затем стала медленно читать:

«Мой лучший друг.

Моим лучшим другом была Йемина. Собака. Золотистый спаниель. Мне подарили ее полгода назад, я растила и воспитывала ее сама, и она многому научилась. Я всегда ходила с нею гулять в Пиккумется. Там она носилась повсюду, шалила. А иногда я забрасывала шишку подальше, и она приносила ее мне. Но она лаяла на автомобили, она их не переносила. И вот однажды, на перекрестке парковых аллей, Йемина не заметила, что сзади идет большая машина...»

ДОМ ДЛЯ КУКЛЫ

-Ну что ж, начнем. Можешь сесть. Как тебя зовут?

— Яапи.

— Так-то оно так, но здесь этого недостаточно.

— Яан Сукáндер.

— Когда родился?

— А-а... В шестьдесят девятом. В июне. Тринадцатого.

— Адрес?

— Рáнтакáту... нет, уже Тóууликату. Номер я не запомнил. Пятнадцатый, что ли?

— У меня-то не спрашивай. Стало быть, какой адрес?

— Да мы только что туда переселились. Вроде бы пятнадцатый.

— Так и запишем: Тууликату, пятнадцать. А теперь — имя отца.

— Унски. Вернее, Унто. Но он...

— Профессия отца?

— Да он в лечебнице.

— Что он там делает?

— Откуда мне знать? Они его туда отвезли. Он алкаш.

— Ах вот что. Но небось у него и профессия есть. Или была.

— Не помню я, чтобы он когда-нибудь ходил на работу.

— Ну ладно. Оставим вопрос открытым. Имя матери и ее профессия?

— Ёлла. Только я не знаю, что она теперь делает. Она в Швеции. Когда мы еще все жили дома, она ходила убирать в одном большом универмаге.

— Стало быть, уборщица. Ну а с кем ты теперь живешь?

— С Пяйви. Это моя маленькая сестричка.

— Вдвоем?

— Нет, у Лезны. Она не то отцовская двоюродная сестра, не то еще кем-то ему доводится.

— Как ее фамилия?

— Мустонен.

— Значит, в данный момент она твоя опекунша. Запишем: Лезна Мустонен! А не знаешь ли ты, какая у нее профессия?

— Да она никуда на работу не ходит. У нее дома мастерская и швейная машинка.

— Швейная машинка? Так, та-а-ак. Она шьет?

— Да я за ней не слежу. Наверное, шьет. Говорят.

— А клиентов ее ты видел?

— Какие-то люди к ней ходят. Она шьет занавески на окна и... Не знаю я ничего.

— Мхм. Ну запишем все-таки: опекунша Лезна

Мустонен, портниха... нет, пожалуй, швея. Этого достаточно. Ну ладно, а теперь перейдем к самому делу. В ночь на последнюю субботу ты взломал дверь...

— Да не взламывал я, там и замка-то в двери нет.

— Не перебивай! Ты взломал дверь или... скажем, проник в находящийся на улице Сјюситие одноэтажный дом номер шестнадцать, который за неделю до того частично сгорел от пожара. Правильно?

— Не знаю я, когда он сгорел.

— Не увиливай. Ты проник в данный дом в упомянутое время. Так?

— Ну... вошел я туда.

— И когда дворник Хълминен застал тебя в этом доме, у тебя в руках была финка.

— Перочинный нож это был.

— Такой нож тоже холодное оружие, и угрожать им — дело серьезное.

— Никому я не угрожал.

— У меня тут показания дворника. Продолжим. Что ты искал в вышеупомянутом доме?

— ...

— Молчанием ты ничего не выиграешь. Бывал ли ты в этой квартире когда-нибудь раньше?

— А что?

— Бывал?

— Ну, был один раз.

— Значит, знал, кто жил в данной квартире?

— Да никто там не жил. Она же обгорела.

— Но до того. Ведь ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Итак?

— Ну да, это была берлога Хёмули. Он был моим классным, пока не спихнул меня в контроль.

— Минуточку. Классный, значит...

— Классный руководитель.

— А контроль?

— Контрольный класс. Я попал туда сразу же, осенью.

— Хорошо бы ты еще рассказал, кто такой Хемули.

— Хёйкки Мюола.

— Учитель?

— Ни черта он не учитель!

— Ну-ну, выражайся поприличнее.

— Да он только орал. Совсем чокнутый тип.

— Достаточно. Теперь поговорим о другом. Ты, стало быть, однажды уже был у него дома. Почему?

— Там и другие были.

— Других здесь нет. Я у тебя спрашиваю.

— Да он чего-то, видать, хотел, но он такой зануда.

Ничего и не вышло. Никто его не любит.

— Об этом я не спрашивал.

— Но все-таки он спихнул меня в контроль. Я знаю.

— Это к данному делу не относится. Поговорим о том, как ты проник в квартиру учителя Муолы. Она, хотя и обгорела, все же принадлежит ему. Что ты там искал?

— Да что там можно искать!

— В том-то и дело. Все хоть сколько-нибудь ценное и уцелевшее от пожара оттуда ведь увезли. Однако ты оказался там. И в показаниях дворника Халминена сказано, что ты резал ножом обои и сдирал их. Как это понимать?

— ?

— Детская выходка. Но ведь никакого урона учителю Муоле ты этим нанести уже не мог.

— Какого еще урона?

— Прекрасно ты все понимаешь. А теперь вот что. Я хочу получить ответ на следующий вопрос. Когда ты удирали оттуда, у тебя под мышкой был какой-то сверток. Небось думал, что дворник не заметил? Что было в том свертке?

— Ничего не было.

— Так-таки и ничего? Я хочу услышать ответ. Что ты нашел там, в квартире. Ну, давай, говори.

— Обои.

— И я должен поверить, что ты воровал со стен обои?

— Они немного обгорели и были залиты водой.

— Обои? Ладно, к этому мы еще вернемся. Сперва выясним другое. Накануне тебя задержали в универмаге за мелкое воровство. И что нашли у тебя?

— Сам знаешь.

— Обращайся ко мне на «вы». Отвечай только на вопросы!

— Они меня там обыскиали.

— А мы тут пишем протокол допроса. Ну так, я жду.

— Да я там ничего такого не взял, только пару носовых платков.

— Полдюжины кружевных носовых платков. Для кого? В подарок матери в Швецию к рождеству?

— Да я даже и адреса ее не знаю.

— Ну я бы еще понял, если бы ты взял сигареты или сладости. Но носовые платки, отделанные кружевами? Довольно странно, если, конечно, они не предназначались для чего-нибудь особенного. Или для кого-нибудь. Итак, для кого? Для этой опекуни Леэны Мустонен?

— Только не для нее.

— А для...

— ...

— Ты здесь находишься для того, чтобы мы все это выяснили. И мы выясним. Но сперва сделаем маленький перерыв. Чашку кофе выпьешь?

— Не-э...

— А что собой представляет контрольный класс?

— Это тоже входит в допрос?

— Нет. Просто интересно. Как там.

— Хотя бы ора Хемули не слышно.

- У вас там свой учитель?
- По ремеслу у нас Рёпе. Этот дает нам делать все, что мы хотим.
- И какую ж работу ты там делаешь?
- Мне придется остаться тут? Или как?
- Ничего тебе не придется. Напишем бумаги и отправим их в отдел социального обеспечения. А ты пойдешь домой.
- Да нет у меня никакого дома.
- Та-ак. Мать-то давно в Швеции?
- Она сказала летом, что приедет к рождеству и заберет туда Пяйви. Но она не может. Она написала. У нее еще даже комнаты своей нет.
- Написала! Ты же только что сказал, что не знаешь ее адреса.
- Да она за это время сменила три места и должна была снова переехать.
- И ты с сестренкой живешь у Лезны Мустонен. А для чего все-таки тебе понадобились эти обои?
- Хэ! Да они ведь ни для чего уже толком не годятся, они ведь обгорели.
- Рельефные матерчатые обои, как показал дворник. Очень красивые. Жаль, что огонь повредил их. Ты хотел наклеить их у себя в комнате, что ли?
- Да там уцелело всего-то примерно вот столько.
- Этого даже для одной стенки не хватило бы.
- Да этого бы хва... эх, ладно.
- Хватило? Для чего хватило бы?
- Можно, я пойду? Пяйви одна дома, Лезна ушла куда-то.
- Уйдешь сразу, как только выясним это дело. Итак, для чего хватило бы такого куска обоев?
- Я делаю такой... рождественский подарок.
- Сестричке?
- Она видела такой в витрине одного магазина. Совсем легко и самому сделать.

— А эти кружевные платочки? Они тоже нужны были для этого подарка?

— Лезна обещала сшить.

— Что?

— Занавесочки на окна.

— Значит, этот подарок сестричке, это...

— Домик для куклы...

— Громче, не расслышал.

— ДОМИК ДЛЯ КУКЛЫ!

ОХОТНИКИ ЗА СКАЛЬПАМИ

Отец сунул расчетную книгу под мышку Паси и велел отнести Халминену. Тот заплатит сразу же, он такой. «Смотри, не потеряй деньги!» Это отец говорил всегда, словно Паси когда-нибудь обходился с деньгами небрежно.

Но Халминен жил на Тууликату, и отец не знал, что те кварталы — сфера влияния компании Яапи. И по какому бы делу ты ни шел, без «уличного налога» не обойдешься. Хорошо еще, если отделаешься только этим.

С тех пор как отец оказался в инвалидном кресле, Паси носил расчетные книги и наряды на сделанную работу бывшим отцовским товарищам по шоферскому делу. Отец однажды заснул за рулем и врезался в ель. Кузов был полон, две тонны гравия засыпали отца. Тогда-то у него и сместились позвонки, и парализовало ноги. Навсегда. Отец долго лежал в больнице, а выписавшись оттуда, стал дома вести бухгалтерию за тех, кто шоферил раньше вместе с ним, подсчитывал наряды и составлял налоговые декларации.

Отец отличался справедливостью. За выполнение

каждого поручения Паси получал проценты. Работа не сложная, зато в кармане у него всегда водятся кругляшки на мелкие расходы. Но маршрут на Тууликату был небезопасным.

— Ну иди скорее,— поторопил отец.— Успеешь вернуться к началу фильма по телику. Сидней Поллак — интересный режиссер.

— Угу.

Отец увлекался вестернами. На них он отводил душу. Отец знал режиссеров этого жанра, их работы, а также актеров, операторов, композиторов, сценаристов. Он смотрел фильмы не просто так. Он критиковал, сравнивал, высказывал мнение. Он учил видеть, а не просто смотреть.

Конечно, Паси с удовольствием посмотрел бы «Охотников за скальпами», но... Он вполне успел бы сходить к Халминену и вернуться: до начала картины оставалось еще около часа. Однако идти на Тууликату именно сейчас не стоило ни в коем случае, если он не хотел попасть прямо в объятия Яапи и его дружков. Но у Паси возникла идея, с помощью которой, возможно, удастся... Поэтому он нарочно тянул время.

Дойдя до лестницы, Паси вспомнил, что позабыл перчатки, и вернулся, чтобы взять их. Все-таки ему пришлось уйти раньше, чем надо было по его плану, ибо отец начал удивляться его медлительности. Паси не хотел говорить ему о ватаге Яапи. Отец бы не понял. Хотя и он был когда-то молодым, и наверняка тогда тоже дрались ватага на ватагу. Но компания Яапи была делом особенным.

Конечно, Паси вышел слишком рано. Лишнее время следовало как-то скоротать. С расчетной книгой Халминена под мышкой он свернул на Набережную. Совершенно ненужный крюк, лишь бы убить время, а займет-то он не больше пяти минут. Поэтому на Набережной Паси зашел еще в столовку, выпил там бутылку

«Яффы», хотя пить ему не хотелось, сыграл два раза на автомате «флиппер» — потратить на игру больше времени он не мог, если собирался обойтись на Тууликату без приключений.

Набережная была почти безлюдной. Холодный ветер завывал за рекой и заметал улицы снегом. Паси еще постоял перед витриной большого магазина, круглый год торгующего товарами по сниженным ценам. Две девчонки, шедшие мимо, захихикали. Неудивительно: они вообразили, что он рассматривает ценники женских колготок.

Время тянулось медленно. Неужели и оно замерзло? Эх, было бы хоть с кем поговорить, пусть даже с Юртсе. Пожалуй, именно он сейчас пригодился бы. Юртсе мог ходить где хотел, даже по Тууликату. Его никто не задевал. Еще бы, лучший нападающий команды «Пе-То» и славится неудержимыми бросками от синей линии.

Было холодно. Наверняка градусов двадцать. Мороз щипал лицо, проникал сквозь джинсы, забирался под куртку. Мерзли ноги. Паси глянул на часы. Пора.

Тууликату брала начало от Набережной и тянулась наискосок к ней. Свернув на Тууликату, Паси с первого взгляда установил, что улица пуста. Но это еще ничего не значило. У ватаги Яапи было свое укрытие, откуда она появлялась, словно стая зайцев из шляпы фокусника. Яапи вышколил свою банду. Его парни никогда не бежали гурьбой к месту происшествия, никогда не поднимали шума. Идешь по улице, и вдруг перед тобой вырастают двое верзил. Оглядываешься назад — тебя нагоняют еще двое. Бросаешь косой взгляд вбок и замечаешь — цепь вокруг тебя сплошная, деться тебе некуда.

Мимо первых домов на Тууликату Паси шел медленно. За одним окном был виден телевизор — фильм «Охотники за скальпами» начался. Берт Ланкастер в

куртке с бахромой вез на муле связки шкур вдоль ручья. Люди смотрели телепередачу, развалившись на диване. На улице могло происходить что угодно, они бы и не заметили. Никто не пришел бы на помощь. Кричать бесполезно. Паси зябко поежился.

Возле желтого обветшавшего дома Паси перевел дух и глубоко вздохнул, переходя на другую сторону улицы. Здесь жил Яапи. Его стоя и рыскала главным образом в этих кварталах. Но сейчас тут не было ни души. Окна заливал голубой свет. Паси вытянул шею и увидел то, на что и надеялся. Десяток с лишним парней, дружков Яапи, сидели, уставившись на экран телика. У них был черно-белый.

Паси рассчитал верно. Яапи и его дружки не могли пропустить столь заманчивый вестерн. Дорога к дому Халминена была свободна.

Паси бодро продолжал путь, однако за углом его ждал сюрприз. В круге света уличного фонаря стояла девушка. Она оперлась о стену и, втянув шею, курила сигарету. Паси невольно остановился, увидев ее. Элина! Подружка Яапи. Но она и не взглянула на него. Сделав последнюю затяжку, она щелчком послала горящий окурок в воздух. Он летел огненной мухой. Затем она повернулась и прошла мимо Паси, пугающе близко, направляясь к дому Яапи. Хорошо еще, что не прошла прямо по Паси. С нее бы случилось.

Паси не стал следить, куда пойдет Элина. Ему вдруг сделалось некогда. Халминен жил на другом конце Туу-ликату, в самом последнем доме. Этот путь Паси проделал единым махом, да и в доме не задерживался. Правда, сам Халминен был в рейсе, но его жена взяла книгу и заплатила. В приоткрытую дверь гостиной Паси успел увидеть, что у Ланкастера появилась компания: лысый верзила ржал, растягивая смеющийся рот во всю ширину экрана. Известный актер, но Паси никак не мог вспомнить его фамилию. Теллю, что ли? Он больше

годил на роли бандитов, чем полицейских. Бандита он и играл в каком-то сериале. Там его звали Кояк — сосал карамельки и эффектно убивал.

Выйдя из дома, Паси на минутку задумался. До первого перекрестка можно было идти спокойно, но дальнейший путь связан с риском. Отцовским деньгам угрожала опасность. Как объяснишь, если отнимут? Паси сел на крылечке, снял с левой ноги теплый сапог и уложил купюры под стельку. Ступать стало неудобно, сапог сделался тесным. Казалось, кровообращение в ступне совсем остановилось, хотя сердце билось так, что его удары отдавались в голове.

Самым коротким был путь по Тууликату, до конца ее. Если свернуть в переулок и бежать, пока не перехватит дыхание, все равно толку не будет. От ватаги Яапи еще никогда никому не удавалось удрать. Эта банда знала округу и все проходные дворы. Паси казалось, что он, словно герой какого-то дешевого, второразрядного вестерна, шагает по главной улице опустевшего города на Диком Западе. Ветер завывает между домами, а там, где должны были быть живые изгороди, намело сугробы. Не хватало лишь скрипа открывающихся в обе стороны дверей пустого салуна.

Тууликату¹ — названия лучшего и не придумаешь. Вымершая и пустая, будто кто-то объявил комендантский час. И Паси был не слишком далек от истины. На улице царило военное положение.

До дома Яапи было еще довольно далеко, когда Паси заметил, вернее, почувствовал или догадался, что за ним следят. Он приближался к перекрестку. Появилось искушение все же свернуть в переулок и побежать. Но он не успел даже дойти до угла, как справа и слева появились «люди Яапи». Руки в карманах, лыжные шапочки надвинуты на глаза. Парни шли ему навстречу

¹ Тууликату (финск.) — улица Ветра.

беззвучно, небрежно и неторопливо, словно оказались здесь случайно. Паси знал, что оглядываться бесполезно, он окружен.

Никто ничего не сказал, никто ничего не сделал, но Паси было ясно, что из кольца ему не вырваться. Он знал систему этой ватаги. Ему было не впервой.

Яапи появился «на сцене» последним, как император. С Элиной под ручку. Они поочередно затягивались одной сигаретой.

— Вечерняя прогулка? — Яапи хмыкнул.

Лицо его подружки было как вытесанное из камня. Паси не ответил. Стоящие вокруг парни присвистнули.

— Заблудился? — продолжал Яапи. — Ничего, разберемся. Таксу знаешь? А?

— У меня нет ни копейки, — соврал Паси.

Парни прыснули. Яапи приблизил свое прыщавое лицо.

— И как же называется эта игра, подонок? Обыскать!

Паси и моргнуть не успел, как его сбили с ног. В один миг сильные руки вывернули его карманы и едва не содрали с него одежду. Снег попал под рубашку и в штаны.

— У него нет, — подтвердил кто-то.

— Что с ним делать? — слышалось позади Паси.

Яапи оттолкнул других в сторону и поднял Паси на ноги. Мелькнувшая в глазах Яапи неуверенность придала Паси смелости: ничего страшного не случится. Но когда в руке Яапи появился нож, Паси не знал, что и думать.

— Пометь его!

— Сними с него скальп!

Паси знал, с кого они могут взять пример. Они ведь тоже не раз смотрели вестерны, как и он с отцом. На изуверство способен и слабак, если чувствует поддержку толпы и уверен в своей безнаказанности, но такая уверенность возникает у него лишь на миг.

И в этот миг не стоит сопротивляться. Поэтому Паси и бровью не повел, когда Яапи захватил его волосы в кулак. Нож сверкнул перед глазами. Но неожиданно Яапи разжал руку. Он наверняка что-то почувствовал. И наверняка хотел, чтобы решение принадлежало ему. Прищулив глаза, смотрел он на Паси. И вдруг приказал:

— Сними сапоги.

— Зачем? — осмелился спросить Паси.

— Место, на котором ты стоишь, священно! Соображаешь ли ты, падаль, что топчешь этими подметками нашу улицу? Сними сапоги и можешь убраться.

Паси подчинился. Сперва он снял правый сапог, затем левый. Из-под стельки выглядывал угол пачки купюр, но уже сгустились сумерки и никто ничего не заметил. Или все же Элина заметила? Выражение ее лица как-то изменилось. Но может быть, Паси это только показалось.

Держа сапоги в руках, сопровождаемый раскатистым смехом парней Яапи, Паси бежал до самого конца улицы. Сперва снег сквозь носки немного обжигал подошвы, затем он уже ничего не чувствовал. На углу Набережной и Тууликату Паси натянул выстудившиеся сапоги на замерзшие ноги. Ступней он не ощущал. Словно шел не по земле, а сантиметрах в десяти над нею.

В окно первого дома на Набережной Паси мимоходом увидел экран телевизора. У индейцев был праздник, они скакали на пестрых пони туда-сюда и стреляли в воздух.

Паси пришел домой, когда фильм уже кончался. Отец был явно не в духе. Он не любил смотреть вестерны в одиночестве. Ему надо было все время, пока шел фильм, обмениваться с кем-нибудь впечатлениями.

— Где ты так задержался?

— Встретил пару приятелей.

— А деньги?

— В ящике. Я уже положил их туда.

Досматривать конец фильма не имело смысла, но ради отца Паси сел на диван и уставился на экран.

— Почему у индейцев был обычай охотиться за скальпами? — спросил Паси.

— У индейцев? Нет, этому их научили белые!

Заметив, что Паси изумился, отец подтвердил:

— Да, именно так оно и было.

— Зачем же белым...

— Из-за денег, сынок, из-за денег. Правительственные чиновники штатов платили по двадцать пять долларов за скальп индейца. Представляешь?

Конечно, ради денег. Паси отбросил волосы со лба. Ему повезло, с него-то скальп не сняли. Но вот не отморозил ли он ступни? Пальцы ног уже стали обретать чувствительность. В них появилась ноющая боль и пощипывание. На сей раз все, видимо, обошлось.

ЛЕТНИЙ ПАРОХОД

И как только можно было называть это место парком! Беспорядочно заросшая деревьями и кустами, заваленная упавшими стволами и камнями скалистая возвышенность посреди города, оставшаяся почему-то незастроенной. Тропинки и колеи, проложенные мотоциклами вдоль и поперек. Тут и там несколько засыхающих деревьев... Это было место игр маленьких мальчишек, здесь прятались алкоголики, среди кустарников находили себе укрытие влюбленные. Между скал в расщелинах было полно всякой дряни: старые покрышки, металлолом, банки из-под пива, пакеты из-под молока, полиэтиленовые рваные сумки, бутылки — целые и битые...

Все всегда называли это место Пиккумется. И Яапи, не задумываясь, тоже всегда называл его так. Но сейчас он глядел по сторонам, будто видел все это впервые: ничего похожего на настоящий лес.

Он оглянулся. Элины не было видно. Неужто не пришла? Испугалась, что ли? Но чего? Откуда-то снизу послышался крик:

— Яапи! Где ты?

— Здесь!

— Чего ты в кусты забрался?

Яапи не ответил. Пусть поднимается сюда. Он присел на камень в ожидании. Он не спешил. И Аарне никогда не торопился, однако же успевал выполнить всю работу, какую следовало. И еще оставалось время на быт, как он выражался. Позади слышалось похрустывание осколков стекла под ногами. Элина. Ее кожаная куртка шуршала. Где-то сиротливо посвистывала птичка.

— Ну, что тут случилось?

— Садись сюда.

— Сюда?

— Сиди и слушай.

— Что?

— Слушай и перестань задавать вопросы, что да что...

— Что я должна слушать? — произнесла Элина странным приглушенным голосом, словно чего-то боялась. Она села на камень напротив Яапи и ждала. Яапи подумал: поймет ли? Еще, пожалуй, сочтет чудачком.

— Ну, что слушать? — спросила Элина. — Рассказывай.

— Этот гул. Уличное движение. Машины мчатся по улицам туда и обратно. С утра до вечера все тот же гул. Мы так к этому привыкли, что даже не замечаем.

— Ну да, а чего тут замечать?

Яапи набрал воздуха в легкие. Во рту словно привкус выхлопного газа. Стоит ли рассказывать Элине? Она

ведь такая: поди знай, как отнесется. Но уж если рассказывать, то только ей. Рооки ни в коем случае. И Ретку тоже. Им лишь бы понасмехаться. Скалят зубы — был бы предлог, пусть даже самый чепуховый. Элина выжидающе смотрела на Яапи. А он обдумывал, как начать...

— Я ощутил это в первую ночь в Кюнсиниеми. Я думал...

— В Кюнсиниеми? Где это?

— В Финляндии. Километров двести вон в ту сторону. Затем километров пятьдесят автобусом и последний отрезок — на лошади. Только плыть не пришлось, хотя там в одном месте был даже паром.

— На лошади?

— У Аарне нет машины. Он приехал за мной к автобусу, на остановку, в телеге, запряженной лошадью.

— Ты, значит, ездил в деревню. А я думала, ты разозлился на меня за что-то и поэтому исчез с горизонта. Почему ты мне не сказал?

— Я не знал заранее. Поехал как-то неожиданно.

Элина явно заинтересовалась, но была очень сдержанна. Она просто спросила, кто такой Аарне. И Яапи рассказал. Приятно было рассказывать, разматывать весь моток четырех недель. Он удивился, что запомнил так много подробностей, мелких деталей, и вещей, и местных названий. Сколько у Аарне было леса и засеянных полей, сколько пшеницы, овса и сколько наделов под сенокосными травами. Все он помнил. Он не забыл и коров Хэльки, яловых телок и бычков, ее овец, кур и даже кошку. Он перечислял их, словно по книге. И Элина слушала. И не перебивала, как это бывало обычно. Когда он кончил, она сказала, чуть погодя:

— Ты же собирался рассказать, что почувствовал там в первую ночь.

Первая ночь в Кюнсиниеми! Яапи закрыл глаза. Про ночь-то он как раз ничего и не помнил. Он спал без

памяти, уставший до полусмерти от дороги — на поезде, автобусе, в телеге, — дороги, казавшейся безумным ралли. Зато утро было удивительным. Он проснулся в четыре часа утра от... тишины!

— Святая правда. Ни звука. До тех пор, пока я не открыл окно. Лес рос впритык к дому. Настоящий лес, а не такой вот жалкий. Он не шелестел, а издавал какой-то странный звук, будто кто-то непрерывно втягивал воздух сквозь зубы. Потом где-то совсем близко долго щебетала какая-то птица. Я прислушивался, пока снова не уснул.

Разбудил меня какой-то хриплый вой, рев, будто вопил от боли раненый лось. Не знаю почему, но звук не вязался с окружающим миром — шорохом леса и пением птиц. Я поднялся, открыл окно и увидел паром. Белый двухпалубный речной паровик. С черной трубой. Из нее поднимались вверх клубы пара. Судно быстро исчезло из виду, но рев гудка еще слышался некоторое время.

Удивительный паром, музейная редкость. Палуба ограждена по бортам сетями. Как Хелькин загон для кур позади хлева. Кто-то, фальшивя, наяривал на гармошке, и люди танцевали на палубе. С ума сойти!

Это было в то первое утро. В семь пришла Хелька, как и каждое утро потом, все эти четыре недели. — Япи засмеялся, вспоминая. — Маленькая круглая бабенка, пучок волос на затылке, как клубок ниток, на ногах резиновые сапоги. Улыбка до ушей, лицо загорелое и поблескивает, как медный кофейник, который с утра до вечера булькал на плите. А как она говорила! Лишь в последнюю неделю я научился полностью ее понимать. Но тогда я с трудом догадался, что она сказала: «С добрым утром. Сладко ли спалось? Иди скорее завтракать. Паром уж прошел».

— Да-а, я знаю. Слыхала таких на вокзале.

Япи разошелся, рассказывая, и Элина слушала. При

этом он даже не вспомнил о сигаретах. Не потому, что у него не было. Но там за четыре недели он выкурил лишь две сигареты. Не хотелось, ведь и Аарне не курил.

— Наверное, удивительный человек этот Аарне?

— Не знаю... Вот Туомас, тот удивительный.

— Кто?

Туомас, Большой, как его называли в Кюнсиниеми, сын соседей. Каждое утро он стоял, ссутулившись, в двери и ждал, на какую работу пошлет его Аарне. В первое утро он здорово напугал Яапи. Выйдя вслед за Хелькой из своей каморки, Яапи не сразу заметил, что огромный мужичище, вытянув руку, прет на него через комнату, как танк. В городе, на своей улице, Яапи научился сторониться таких.

— И что же он тебе сделал?

— Поприветствовал меня, поздоровался за руку.

— Хе!

— Захватил мою руку по локоть в свою ладонищу и давай трясти и, как благовоспитанный мальчик в старину, кланялся, кланялся. И затем пошел обратно и опять встал к двери.

— И ничего не сказал?

— Туомас никогда ничего не говорил. Он немой. Глухонемой.

Элина закрыла рот и сглотнула. Она тоже ничего не сказала. Не смогла. Как и Яапи, когда увидел Туомаса впервые. Хелька потом рассказала странную историю. Мол, Туомас родился немым с рассеченным языком, потому что его мать, покойница, когда была беременной, испугалась змеи. Но Аарне сказал, что не верит, будто могло быть так, как рассказывала Хелька. Он вообще не верил подобным побасенкам. А вот Элина, похоже, не видела в словах Хельки ничего странного.

Яапи выдержал паузу. Он подбирал с земли толстые

осколки стекла и кидал их по одному в автомобильный капот, ржавевший в ивняке. Осколки были в саже, и он испачкал пальцы. Он вытер руку о джинсы и встал. Элина тоже встала. Не сказав друг другу больше ни слова, они пошли кружить по Пиккумется и нашли место, откуда весь город был как на ладони. Но ни озера, ни моря видно не было.

— Кюнсиниеми — это большой мыс, даже полуостров, он вдается в озеро. И вода там чистая до самого дна. Ее можно пить прямо с берега. Только возле старого деревянного причала, где сваи подгнили, у воды был неприятный привкус. Аарне рассказывал, что пароход подходил к этому причалу до тех пор, пока у торгового советника была дача на мысу. Но она сгорела. Тогда торговый советник продал мыс под дачные участки, и пароход причаливать перестал.

— Что? Какой еще торговый советник? — спросила Элина.

— Откуда я знаю? Какой-то богач. Пароход больше не заворачивал к Кюнсиниеми после того, как этот босс уехал оттуда.

— Пароход, пароход... Что ты заладил про какой-то пароход? Расскажи, что там еще было.

— Они называли его летним пароходом. Он проходил там утром и возвращался вечером. И гудел, чтобы открыли ворота шлюза.

Элине, похоже, стал надоедать его рассказ. Она фыркнула, подошла к упавшему дереву и села на ствол. Но Япи продолжал:

— Всякий раз Туомас бежал на берег. Он оставлял все дела и бежал на берег, как бегемот. Бежал, чтобы помахать.

— Пароходу? Он что... немного того?

Япи не ответил. Он и сам так думал. А как же иначе, если взрослый мужичище, здоровенный верзила, бежал, сдвинув козырек набок, к реке, на берег, чтобы

помахать рукой проходящему мимо пароходу. Но был ли Туомас более странным, чем другие в Кюнсиниеми? Для Хельки и Аарне появление летнего парохода заменяло часы, было знаком того, что пора доить коров, что сейчас радио начнет передавать последние известия, или что в сауне надо разжечь огонь, или что уже можно идти есть. Яапи несколько раз задавал себе вопрос: а как же они обходятся зимой?

— Затем однажды случилось маленькое несчастье,— начал Яапи. (Элина встрепелась.) — Я возил на тракторе сено в сарай...

— Ты водил трактор?

— С первого дня почти. Аарне научил. Не перебивай, дай я расскажу.

Элина показала жестом, чтобы он сел рядом. Яапи подошел к ней, но в этот момент под холмом послышался рев мотоциклов. Двое подростков поддавали газу, воображая себя раллистами-кроссменами среди валунов и скал. Яапи поднял с земли камень и кинул. Юные мотогонщики исчезли.

— Ты начал про несчастье,— напомнила Элина.

Яапи снова сел на ствол и продолжал:

— Сцепление у этого трактора было немного туговато. Моя нога соскользнула и трактор пробил стенку. Дверь сарая рухнула мне на спину, а трактор угрожающе наклонился. Я оказался под дверью, прижатым к рулю, а моя левая нога застряла где-то в передке, там, где мотор. Туомас работал неподалеку и подбежал сразу же. Но, господи помилуй, этот пароход как раз шел мимо и гудел. Гудка-то Туомас не слышал, но он увидел пароход и остановился. Какое-то время он не знал, как быть. Не мог решить. Ему хотелось бежать на берег, махать пароходу, но в тот раз он все же пропустил махание и помог мне. Первым делом он снял с моего затылка дверь и отшвырнул ее. Одной рукой! А это была большая дверь. Затем он приподнял трак-

тор и поставил его прямо — и после этого даже дух не перевел. Я не успел и слова вымолвить, а он уже чапал к берегу, но парохода и след простыл.

Яапи, скосив глаза, посмотрел на Элину. Поняла ли? По крайней мере, она не усмехалась. Она бессмысленно передвигала носком туфли маленькие камушки. Затем подняла глаза на Яапи.

— А этот верзила хоть раз в жизни был там, на самом пароходе?

Элина была доброй. Яапи всегда знал это. Многое она понимала гораздо лучше, чем какие-нибудь Рооки, и Ретку, и Тане. Тут все они, вместе взятые, не могли тягаться с Элиной. Яапи воодушевился:

— Знаешь, Элка, я тоже тогда подумал об этом. И у меня возникла идея.

— Ну?

Яапи начал издалека, с того, что в сцеплении трактора требовалось заменить одну деталь. В деревне был магазин фирмы Фергуссона. Съездить за новой деталью Аарне поручил Яапи и дал денег. Но Яапи поехал не сразу, он подгадал так, чтобы быть у шлюза, когда пароход войдет туда. Однако затея едва не кончилась неудачей. Велосипед Хельки не выдержал скорости, которую задал ему Яапи. Цепь соскочила и запуталась между развилкой и колесом.

Пока Яапи возился с велосипедом, пока наладил его, прошло много времени. Пароход, должно быть, уже подходил к шлюзу. Едва Яапи подумал об этом, как заревел пароходный гудок. И все же Яапи не опоздал.

В шлюзе судно брало на борт несколько пассажиров. Шкипер, покуривая трубку, вышел из рубки. Тогда-то у Яапи и появилась возможность осуществить свой план. Он поднялся на борт и сразу же заговорил со шкипером: тот показался ему покладистым дедом. Маленькие глазки на обветренном лице, пожелтевшие от табака усы фасона «двадцать минут девятого».

Яапи представился. Шкипер вздернул бровь, вынул трубку изо рта.

— В Кюнсиниеми? — переспросил он, словно впервые слышал это название. — И на будущее воскресенье? — Он повторял все, как эхо.

Ему пришлось объяснять еще и еще раз, убеждать, что пассажиры будут, что причал совсем не такой уж гнилой, как он думает.

— Ну что ж, тогда посмотрим, — сказал шкипер.

Но этого было для Яапи недостаточно. Он добивался четкого ответа. Шкипер смеялся и называл Яапи упрямым, сумасбродом... Но говорил это не зло. Дал ли он в конце концов обещание? Яапи не был уверен. Поэтому он предложил деньги в задаток. Шкипер взять деньги не захотел, повернулся спиной.

— Успеется и в воскресенье. Деньги на судне получает кассир, — сказал шкипер, и Яапи счел это за обещание.

Хелька и Аарне не верили своим ушам, когда Яапи объявил, что в следующее воскресенье летний пароход возьмет их с причала Кюнсиниеми на борт.

— И судно пришло? — нетерпеливо спросила Элина.

— В воскресенье мы стояли на причале. Все четверо. Хелька, Аарне, Туомас и я. Туомас был в белой рубашке. И затем пришел летний пароход, и мы взошли на палубу, и гармошка играла, и люди танцевали. Даже Хелька и Аарне. Туомас стоял у перил и покачивался взад-вперед, будто какая-то горилла. Он смеялся. Он смеялся почти в голос. И мы ели мороженое. Солнце светило, и озеро было совсем тихим, и над ним летали чайки.

Яапи кончил рассказывать, замолчал и глядел вдаль на город. Этот день в Кюнсиниеми ему не забыть никогда.

— Здорово, Яапи. И это сделал ты.

Яапи поднялся и сунул руки в карманы джинсов.

Слышен был шум уличного движения. Вдоль улиц загорелись первые огни. Лето склонялось к осени.

— Черта с два этот пароход пришел! — вдруг зло процедил Яапи сквозь зубы.

Элина подошла и положила руку ему на плечо.

— Что-о?

— Даже в колокол не прозвонил, как бывало иной раз, когда Туомас махал с берега. Я стоял на причале, как сирота, и мне было стыдно. Я обманул их — и Хельку, и Аарне, но больше всего мне было стыдно перед Туомасом. Он присел на корточки в конце причала и бренчал кольцом, к которому привязывают канат. И плакал. Такой верзила. Он мог бы одной рукой выдернуть это кольцо, или развалить весь причал, или сделать что угодно. Но он только бренчал и бренчал кольцом.

— Подонок этот шкипер! Но почему бы вам не сесть на пароход в шлюзе?

Яапи посмотрел на Элину. Она все-таки поняла не до конца. В шлюзе на судно мог сесть кто угодно. В этом не было ничего удивительного. Элина поняла бы наверняка, если бы сама побывала в Кюнсиниеми. В том-то и дело, что пароход должен был специально взять курс на Кюнсиниеми, прозвонить в колокол, сбавить ход и пришвартоваться к причалу. Ради них! Ради Хельки, Аарне, Туомаса, ради него — Яапи.

— Слушай, Элли, на будущий год, летом, я поеду в Кюнсиниеми.

— Попасть бы когда-нибудь в деревню...

— Я мог бы остаться там и навсегда. Хелька и Аарне взяли бы... У них нет своих детей. У них только коровы, и овцы, и куры, и... Ты могла бы кормить их. Хелька научила бы тебя. Веришь, Элли?

— Ну!

— Я мог бы поговорить с ними.

Именно такой Элина была хороша: рот приоткрыт, в

глазах искры, волосы облаком вокруг лица. Ее кожаная куртка шуршала и поскрипывала, когда она обхватила руками его шею и прижалась к нему. Где-то посвистывала птица, отбившаяся от перелетной стаи.

— И тогда мы взойдем на тот пароход, Яапи. Взойдем!

— Он придет в Кюнсиниemi. Слушай, Элина, я еще сделаю...

— Ты сказал: «Элина»?

— Разве это не твое имя?

— Я думала, оно тебе не нравится.

Шум движущихся автомобилей усиливался по мере того, как они спускались к дороге. Сухая пыль витала в воздухе и скрипела на зубах. Воняло бензином.

Старик-алкаш в сером драповом пальто шел им навстречу, в руках — полиэтиленовая сумка. Передвигался он неуверенно, широко расставляя ноги. Он свернул с дороги в Пиккумется, споткнулся и выругался, когда сумка стукнулась о камень. Бутылка в сумке разбилась, осколки прорезали сумку, и из прорезей полилась, журча, струйка коричневатой жидкости. Старик опустился на камень и, ворча, стал высасывать жидкость из сумки.

— Который час? — спросил Яапи у Элины.

— Почти десять.

— Господи! Двери вот-вот запрут. Если я опоздаю, заведующий больше не будет на неделе отпускать меня по вечерам. И мне придется все вечера сидеть с этим придурком. Ах да, ты же не знаешь. У меня новый сосед по комнате. Полный идиот. В первый же день сломал дверку шкафа. Ночью, когда спит, мочится под себя, прямо в постель. И вместе с таким вот мне жить всю зиму.

— Не тужи. Снова наступит лето.

Первое, что пришло Юртсе в голову: он лежит на подвесных качелях, на тех, что устроены для малышей в парке. Лежит на спине и тихонечко раскачивается. Вот только как он попал на эти качели? Но может быть, ему снится? Темно ведь, стало быть, ночь или, может, все-таки утро? Ведь откуда-то проникает красный свет. Зарево? И что это за непривычные звуки? Голоса, треск, суeta, шорох тканей... Поблизости что-то ритмично постукивает. Маленький молоточек? Или часы? Юртсе не понимал, откуда доносятся звуки. Его одолевала усталость, не было сил приоткрыть глаза.

Прохладное дуновение овеяло лицо. Неужели окно осталось открытым? Нет, это не то — у него в комнате нет качелей. Значит, это все-таки парк. Он в парке, и, кроме него, здесь еще какие-то люди. Кто-то разговаривает позади него или над ним и раскачивает качели. Они летят вниз. Скорость нарастает, опьяняя. Не надо так сильно! Рука хватает пустоту, потом касается чего-то холодного, ухватывается за это нечто, но стремительный спуск продолжается. И опять кто-то говорит. Юртсе слышит слова, но не понимает, о чем говорят.

— Плохо дело?

Это низкий мужской голос. А в ответ ему другой, женский:

— Не поймешь.

— Анестезия на месте?

— В первой.

— Все подготовить. Я сейчас приду.

Куда он придет? И кто? Юртсе не в силах думать. Все равно, лишь бы перестали раскачивать. Голова тяжеленная. В висках ломит. Во рту что-то вроде огромной жевательной резинки. Почему они не вынимают ее! Дышать трудно!..

...Из самой глубины сна, откуда-то со дна, доносилось гудение синтезатора. Электронный вопль! Петри, конечно же, в нижней комнате. И там усилители включены на всю катушку. Посреди ночи? Что за ад? Оглушительный вой вырывается из усилительных динамиков, устремляясь в голову, рассыпаясь искрами в дрожащей темноте. Затем Юртсе стал различать новые звуки, раздающиеся совсем близко: бряцание металла, резкое, с эхом. И вдруг где-то вверху вспыхнул яркий свет. Глазам стало больно, хотя веки и были закрыты. Юртсе хотелось повернуть голову, уклониться от бьющего в лицо света, но в уголках рта было что-то похожее на крючки, которые больно врезались, стоило ему попытаться шевельнуть головой. И никто не гасил лампу. Свет пронизывал веки, пронизывал, как лазер, голову до самого затылка. Мозг, казалось, уже кипел, а каждый звук, похожий на удар стали о сталь, был словно удар по черепу.

Кто-то взял Юртсе за руку и потер ее чем-то мокрым. Затем острый укол и щекочущее ощущение, будто в вену пустили горячий ток. Юртсе хотел знать, кто его так донимает, но бессилие было полнейшим. Ноги и руки были неподъемно тяжелыми, голова, казалось, погружается в тесто. Потом голоса вокруг смягчились. И затем кто-то погасил лампу.

Дрема была приятной. Юртсе чувствовал покачивание. Ему хотелось еще поспать, но противный громкий разговор прогнал сон. Конечно, у отца опять гости. Но почему они в комнате Юртсе? Пошли бы на нижний этаж или в заднюю комнату. Обычно-то они выпивали там.

Во рту было противное ощущение. Сильно тошнило. Почему они не дают ему спать? Юртсе пошевелился, и кровать тут же закачалась сильнее, как на вол-

нах, поднимаясь на гребень и тут же устремляясь вниз, в провал между волнами. И наваливалось что-то черное, тяжелое. И не было ничего, кроме темноты и равномерного покачивания.

Утро наверняка было уже поздним. Яркий свет растворил темноту. Мать сейчас придет будить его. Он весь одеревенел от сна, но, пока мать не пришла, можно успеть размяться. Юртсе осторожно пошевелился. Он ощутил прохладу простыни, но левой ноги не чувствовал. Наверное, спал в неудобном положении. И ему не удалось перевернуться на живот — голова не поднималась с подушки, в боку колото и во рту был привкус, как после лекарства от кашля.

Сегодняшнее утро явно необычное. Юртсе казалось, будто кто-то сказал ему это. Отцовские приятели находились еще в комнате. Но на сей раз они, похоже, не были в подпитии и не говорили об автомобилях, как всегда. Голоса были незнакомые. Во всяком случае, они не принадлежали людям из отцовской фирмы. Юртсе знал каждого из торговцев машинами. Два голоса слышались справа, один — слева. Отец помалкивал. Или его вообще не было в комнате? Теперь говорил какой-то старик и говорил что-то непонятное о ремонтно-строительном предприятии. Всех слов Юртсе не расслышал, но он понял, что еще в неполные пятнадцать лет тот был подмастерьем. А последняя фраза прозвучала совсем ясно:

— Даже и вечером стояли в ушах выстрелы заклопочного пистолета, руки дрожали так, что не мог уснуть.

— Я говорил о безопасности труда.

Это послышалось издалека. Сочный, уверенный голос молодого мужчины. Юртсе попытался приоткрыть

глаза. Ресницы слипались. Все же веки раздвинулись настолько, что яркий свет ударил в зрачки. Юртсе резко захлопнул веки.

Затем слева, совсем близко, послышался третий голос, громкий, напряженный:

— Да-а, у нас-то дела еще все-таки неплохи.

И на это ответил далекий голос справа:

— Куда уж там! Собственная небрежность, скажут они мне. Но разве же я виноват, что зажим резца разорвало у меня в руке... Конечно, всегда найдется отговорка, мол, человеческая ошибка, хотя мастерская черт знает в каком состоянии. И станки-то — сплошь последняя рухлядь. Однако администрация наверняка сумеет обернуть и это дело в свою пользу.

Почему они не дают мне спать? Хотя все равно, с минуты на минуту придет мать и закричит: «Юкка, ты опаздываешь! Немедленно вставай!» Вот так каждое утро, одна и та же песня. Но сегодня я не пойду в школу. Голова болит. Теперь я посплю.

Однако заснуть не удалось. Тот же голос справа продолжал:

— И все-таки мне повезло: правую повредил. Я ведь левша.

— Теперь делают хорошие протезы, — слышалось слева. — Там, откуда я родом, есть безногий таксист.

— В автомобиле-то можно установить особое устройство. Тем более в своем. Машина-то небось принадлежит этому безногому? А разве они станут переоборудовать мой станок? Нет, они поставят к станку нового человека. Так им дешевле обойдется. А желающих сейчас хватает.

Усилием воли Юртсе отключил слух, и ему удалось погрузиться в легкую дремоту. Голоса смешались в неясный, общий шум. Полегчало. Только бы мать не

пришла сразу. Надо выспаться, чтобы освободиться от этой усталости.

«Юкка! Вставай! И немедленно!»

«Да, да, сейчас, сейчас».

«Каждое утро одно и то же. Взрослого мужика приходится силой тащить из постели».

«Да ведь я уже не сплю».

На нижнем этаже отец зашелся утренним кашлем. Мать ушла. Она все-таки немного доверяла Юртсе. Из комнаты Петри слышалась музыка. Юртсе наострил уши. Неужели этот долдон слушает псалмы? Орган гудел, как в день светопреставления, и какой-то чертов ангельский хор пел: «О зеленая лужайка!»

Нет, это не мог быть Петри. Это было совершенно на него не похоже. Да и музыка слышалась не из-за стены. Она звучала гораздо ближе и заметно тише, не так, как нравилось Петри.

Юртсе через силу разлепил веки. От яркого солнечного света глаза слезились, но Юртсе не закрыл их. Первое, что он увидел, была белая стена. А где же карта и книжная полка? И рекламный, величиной с простыню, плакат-афиша Дюран Дюрана? Кто же убрал их? Нет, это вовсе не его комната!

— Глядите-ка, парнишка просыпается.

Голос послышался справа. Но он принадлежал не отцу. Юртсе попытался встать. Голова была свинцово-тяжелой, левая рука не двигалась. И нога тоже.

— Спокойнее, приятель, а то шланги оборвутся.

— Не вызвать ли сестру?

Юртсе больше не понимал, откуда какой голос доносится. Он обессилел, голова откинулась на подушку, и снова зазвучал псалом. Пение слышалось теперь гораздо яснее и возле самого уха. Затем мужчина справа сказал:

— Долгонько же он спал.

И снова беспокойный мужской голос:

— Только он почему-то тихий. Обычно после наркоза бывают разговорчивыми.

Отцовские дружки, наверное. Настоящие трепачи. Юртсе знал, что юмора у них хватает. Иногда они несли двусмысленности, не задумываясь. Но зря они пугают.

Молодой, звонкий голос справа присоединился к другим:

— Ты отвечал урок. Похоже, про зимнюю кампанию.

— Однако до чего же здесь тесно. Нет даже реанимационной палаты.

Это опять послышалось слева, а справа издалека ответили:

— Требуют школьной реформы, а основы старые. Старые домашние задания, почти как прежде у сына.

Ректор! Что он тут делает? Неужели пришел поговорить с отцом? Юртсе помнил, что «рекс» на что-то такое намекал, хотя и неясно. В последний раз вызывал и читал мораль около недели назад. Его слова, по-видимому, все-таки означали, что он придет.

— ...Ну как, Юкка? Небось понимаешь, почему ты тут?

— Ты велел явиться.

— Вы.

— Вы велели явиться.

Удачный ход. «Рексу» пришлось искать новое начало. Но он не нашел ничего особенного. Съехал на обычное, начал говорить о пропусках уроков. Полный их список он получил от классного руководителя.

— «Голова болела» — один урок, «насморк» — полтора урока. «Кровь шла из носа» — понедельник, первые три урока. Да за это время человек истечет досуха. И затем: «весенняя усталость» — один день и «нехватка железа» — четыре урока! Что это за игра?

— Это не игра. Фельдшерица сказала...

— Знаю. Я с ней говорил. Также и со школьным куратором. Ты ходил к ней на прием только один раз.

— Она совсем ничего не смыслит. Бестолковая баба.

— Здесь никого не называют бабой! — почти крикнул ректор. Он положил список пропущенных уроков на стол и явно был доволен собой. Сердиться он умел, но на этом его воспитательское мастерство и кончалось. — Осенью — первый ученик в классе, а теперь... — укорял «рекс». Заезженный прием, а дальше пошло и вовсе несуразное: — К концу учебного года станешь последним. Подумал бы сейчас, как мало времени уже осталось!

Ну что на это скажешь! Хорошо еще, что удалось сохранить нормальное выражение лица. Неужели «рекс» ни о чем не догадывался? Он долго был учителем, затем по общественной линии взобрался в ректорское кресло. Ловко одержал верх над сильными конкурентами. Теперь он сидел в конце коридора за широкой дверью, на притолоке которой красовались красно-желто-зеленые сигнальные лампочки. Это кое-то значило, но кое о чем «рекс» позабыл, хотя и утверждал, что он человек понимающий. Иначе он не говорил бы так.

— Ты не первый, кому школа вдруг делается не по нутру. Но как бы там ни было, по-моему, будет гораздо приятнее, если мы с тобой сами достигнем взаимопонимания. Не вынуждай меня идти к твоим родителям. Подумай, но сделай это побыстрее.

— Отсюда звонили?

В первое мгновение Юртсе был уверен, что это пришла мать, но почти сразу же заметил свою ошибку.

— Кто звонил? Лектор Фёрсман?

— Парнишка проснулся, и, похоже, с ним не все в порядке. Я подумал, что...

— Неужели этот лихач открыл глаза? — сказала женщина и подошла поближе. На ней был белый халат и белая шапка или косынка. — Ну посмотрим. Немножко побаливает, а?

— Тихого приятеля привезли вы сюда, — сказал старик справа.

— Парнишка не может разговаривать. Пока, — сказала женщина, потрогала рукой лоб Юртсе и поправила что-то на боку. — Прикрепим эту кнопку звонка сюда, к краю кровати. Нажмешь на нее, если вдруг почувствуешь себя плохо. А как у Харью работает желудок?

— Ну как, когда тут только и делаешь, что лежишь? Это опять сказал старик справа. Значит, он и есть Харью. Юртсе не помнил, чтобы отец когда-нибудь упоминал о каком-то Харью.

— Следует двигаться. А могли бы также и побриться, — посоветовала женщина.

— Сенья не придет сегодня. Она с раннего утра торгует на рынке рыбой. Она не сможет.

— Но доктор не любит неопрятных больных.

Юртсе лежал теперь тихо. Кнопка звонка! Доктор! Юртсе был в полном сознании, но отказывался принять мысль, которая настойчиво билась в голове, усиливалась и в конце концов пробила-таки.

«Это больница! Я в больнице! — бормотал про себя Юртсе. — Больница, больница. На стене нет карты. И Дюран Дюрана нет. Конечно же. Это ведь больница. Это не моя комната. Справа лежит какой-то однорукий, рядом с ним — Харью, у которого не работает желудок. А слева читает газеты лектор Форсман. Я, Юкка Лампинен, Юртсе, я-то что тут делаю? Прочь! Отсюда надо убираться прочь. Кнопка звонка. Нажмем на нее. Нужно им объяснить. Сейчас же!»

— Эй, приятель, притормози. Спешить тебе больше некуда.

Юртсе посмотрел вправо. Однорукий приподнялся,

избочась и опираясь на локоть здоровой руки. Он подмигивал.

— Принимай все спокойно. Твои-то дела в порядке. Этот Пáатсо аккуратнó тебя заштопал.

— Шрам украшает мужчину,— слышалось слева замечание лектора.

«Со мной что-то случилось», — с удивлением подумал Юртсе. Он попытался было подать голос, но рот и весь подбородок словно одеревенели. В горле немного першило.

Открылась дверь, и вошла женщина в белом халате.

— Звонком без дела баловаться нельзя,— сказала она холодно и обвела глазами комнату.— У кого-нибудь еще что-то случилось? Ах да, вечером в холле музыкальный час, если кого интересует.

Лектор поблагодарил. Женщина ушла восвояси. Сестра, догадался Юртсе. Он постарался расслабиться, дышал ровно и принялся планомерно осматривать все вокруг. Комната была белой. Напротив двери в стене два окна, на них занавески в синюю полосу. Возле двери раковина умывальника и четыре стакана, в торцовой стене шкаф с четырьмя дверками. Между постелями маленькие столики, на них цветы. И на его столике тоже. Три желтые розы. На постелях розовые клетчатые одеяла и более темные покрывала, цвет которых трудно определить. На потолке четырехугольный молочно-белый светильник из плексигласа или стекла.

Что было позади него, Юртсе не видел. Он попытался повернуться, но левая рука мешала, и лишь тогда он заметил синтетический шланг. Шланг был прикреплен пластырем к руке. Движения глаз хватало ровно настолько, чтобы проследить, как шланг уходит вверх к прозрачной бутылке, подвешенной вниз горлышком в специальном металлическом держателе. Затем в глазах внезапно потемнело и кровать противно зашаталась.

...Все еще ощущалась усталость. Почему утро всегда такое трудное? Не хотелось идти в школу и сегодня. Мать уже дважды приходила его уговаривать. И наверняка взорвется, если ей придется прийти в третий раз.

Но задремать он не успел — резкая боль в боку разбудила его. Боль тут же прекратилась, но Юртсе далеко не сразу сообразил, что он не дома. Хотя об этом свидетельствовали пустая белая стена и женщина в синем халате, которая толкала перед собой странную коляску. Когда женщина свернула в проход между кроватями, раздалось дребезжание посуды. «Утренний чай», — подумал Юртсе.

Если закрыть глаза, можно обмануть себя. Много фантазии не требовалось: он уже снова был дома, в своей постели, а дребезжание посуды слышалось как бы из кухни. И почти материнский голос распорядился рядом:

— Ну так, теперь надо приподняться.

Юртсе не возражал. Мать не взорвалась. Отец кашлянул, значит, он тоже пришел в комнату сына. Зашуршала газета. Юртсе приподнялся, но все было каким-то невзаправдашним. Он двигался вперед, но подошвы его босых ног не ощущали ворса ковра. Да и отца в комнате не было. Отец ведь сидел в кухне на своем постоянном месте и, по обыкновению, раздраженно комментировал свежие утренние новости:

— Я в чудеса не верю. Новые выборы в парламент не изменят положения. Одни и те же лекарства каждый раз, когда начинается спад. Это мы уже видели.

Юртсе не понимал, как только отец выдерживает. Ему требовалось каждое утро объявлять кому-нибудь войну. Он заводил сам себя, накачивая в кровь порядочную дозу адреналина. Он стал уже адреналиновым наркоманом.

— Фатер, рассказал бы для разнообразия анекдот, —

сказал Юртсе однажды. Он не помнил точно, когда это было. Ну да все равно. Зато он помнил отлично, что было потом. Будто попытался погасить огонь бензином.

Отец вспыхнул ярким пламенем:

— Тут, сынок, не до шуток. Торговля автомобилями уже теперь в тупике. Не идут ни новые, ни старые. На что будем хлеб покупать?!

На столе были фрукты — апельсины и яблоки, натуральный сок, натуральный йогурт, витаминные и железосодержащие таблетки. «Вот это, а не хлеб перестанут покупать в первую очередь», — ядовито подумал Юртсе. Но не успел ничего сказать, приход Петри в кухню прервал размышления.

Отцовское утреннее недовольство явно передавалось и матери. Мало того, что она заставила Юртсе встать с постели, она то и дело набрасывалась и на Петри. А уж замечаний у нее хватало; если не находилось иной подходящей темы, она принималась за мотоцикл:

— Не оставляйте его в саду. Опять цветы помяли.

— Его там оставил я, — поспешил признаться Юртсе, не подумав, что за этим может последовать.

Мать от возмущения закашлялась, не могла произнести ни слова. Зато отец смог. Он уже успел зарядиться и теперь выстрелил на полный заряд:

— Опять, черт побери, мальчишка гонял на мотоцикле, да?

— С моего разрешения, — вставил Петри.

— Твое разрешение ничего не значит! Да ты соображаешь, что делаешь? Даешь мотоцикл несовершеннолетнему, не имеющему водительских прав!

— Мотоцикл мы купили с Юртсе в складчину, и он совладелец.

— Я ездил-то лишь по старой дороге. Там ведь... Она закрыта для общего пользования.

Но отец не унимался:

— Ах, по старой дороге? Но туда можно попасть только через мост, а по нему сильное движение.

К этому моменту мать обрела дар речи и подкинула снаряд:

— У него еще какая-то девчонка сидела сзади. Мне рассказывали.

Что тут началось! Отец разбушевался вовсю. Он орал и об ответственности, и о страховке, и о том, что могут отнять права, и еще бог знает о чем. Наконец он вспомнил про кусты.

— Кто их оплатит? Из чьего кармана?

— Оплатит тот, кто ездил,— спокойно объяснил Петри. Но слов «На свою ответственность» он не произнес. Такая была договоренность.

— Откуда этот возьмет деньги?

Юртсе не мог больше выдержать. У него оставались еще сбережения от летних заработков, но отец про них не знал и не поверил бы. Не стоило ему и объяснять. Он был глух и слеп ко всему, кроме своих дел. В гневе он черпал силу на весь день. Ну, это-то понятно. Работа у старика такая — не для сентиментальных мечтателей. Ему требовалось подбадривающее впрыскивание и глоток чего-нибудь горячительного, как старому автомобилю в морозное утро, чтобы сдвинуться с места. В то утро ему это удалось. Излив досаду, он поднял палец и изрек окончательный приговор:

— Никакой езды на мотоцикле, мальчишка!

Мотоцикл!

«Спокойнее, спокойнее... Тормози! Вперед... Переднее колесо в направлении движения... поворачивай... отворачивай в сторону... жми... жми... жми кнопку...»

— Ну, что теперь? Кто звонил?

Противный женский голос. Юртсе открыл глаза. Какая-то женщина стояла в дверях в белой ночной рубашке. Чужая женщина, черноволосая. О чем это она спрашивает? Кто звонил?

— Должно быть, парнишка,— раздраженно сказали слева.

«Лектор»,— вспомнил Юртсе. Тут он заметил, что сжимает что-то в кулаке, словно ручку, за которую спу-скали воду из старинного водосливного бачка в убор-ных. Кнопка звонка! Женщина стояла уже возле его кровати. И она была не в ночной рубашке.

— Сейчас полегчает,— сказала она.— Я принесу шприц.

Она ушла и почти тотчас же вернулась. В одной руке она держала шприц, а в другой — маленькую бутылочку. Юртсе зажмурился в ожидании, затем ощутил легкий укол в руку. Он разжал веки, только когда женщина ска-зала:

— Лежи теперь тихо. Сейчас тебе станет хорошо.

Юртсе посмотрел женщине в глаза. Такие же голу-бые, как у Сари. Женщина улыбнулась. Она была уже не первой молодости, но глаза... Женщина повернулась и сказала лектору:

— Ваши домашние звонили. Приедут в воскресенье навестить. Просили сказать, что заместитель сменил-ся. Но, мол, не стоит беспокоиться. Там все идет хорошо.

Лектор что-то невнятно ответил. Слов Юртсе не разобрал. Прежде чем уйти, женщина подошла к окну и раскрыла его.

Старик Харью сел и натянул одеяло на ноги.

— Вечно кто-то распахивает окна. И без того в моем возрасте ноги мерзнут.

Постель рядом была пустой. Однорукий мужчина сидел на стуле в ногах кровати и читал комикс.

— Магистр политических наук,— произнес лектор

вполголоса.— Этот мой прежний заместитель был магистром политических наук. Безработный. В педагогике он мало что смыслил.

— Безработица уже перестала быть привилегией одних только рабочих,— включился в разговор однорукый.

Лектор продолжал свое:

— Оно и видно. В нынешние времена, не имея опыта, в школе не справишься.

— Разве новая система не срабатывает?

— Задумана она хорошо...

Его слова прервал звук открывшейся двери. Юртсе попытался посмотреть, кто пришел. Спинка соседней кровати закрывала видимость.

— День добрый! — раздался в дверях знакомый мужской голос.

Отец! И мать. Юртсе закрыл глаза. Казалось, он был в размягченном состоянии. Слабость незаметно пробралась в ноги и руки, охватила все тело. «Укол подействовал»,— догадался он. Юртсе слышал, как каблучки материнских туфель постукивали по полу, и определил по звукам, что отец и мать подошли к изголовью его кровати. Теперь они рядом, взяли два свободных стула у дальней стены. Лектор не мог удержаться, помолчать. Его голос Юртсе узнал бы из тысячи:

— Сегодня его дела лучше, чем вчера. Он уже очнулся.

— Ага, вот и хорошо,— ответил отец необыкновенно покладисто.— Как раз и жена решилась прийти со мной.

Решилась! Юртсе был изумлен. Мать же ничего не боялась. Что имел в виду отец? Он осторожно тронул сына за плечо.

— Здравствуй, Юкка! Выспался?

На веки давило. Велико было искушение притвориться спящим, но Юртсе заставил себя открыть глаза.

— Все-таки на этом свете,— сказал отец, и мать запричитала. Отец заставил ее умолкнуть и снова посмотрел Юкке в глаза.— Немного ободрал кончик носа. Но не расстраивайся, у тебя все будет хорошо.

Юртсе казалось, что он куда-то погружается. Больше нигде не болело. Все будет хорошо... Он расслабился. И тут мать снова запричитала. Ее слова доходили словно сквозь вату:

— Да узнаёт ли он нас? Юкка, мама здесь. И отец тоже. Нарциссы тебе принесли. Первые, только что распустились.

Мотоцикл нельзя оставлять в саду, нельзя мять цветы. Значит, какие-то цветы уцелели. Мать пошла на жертву. Согласилась срезать несколько со своей клумбы. Зажав нарциссы в руке, мать взглядом искала что-то. Отец говорил о другом:

— Врач сказал, что ничего страшного нет. Нога заживет без последствий, а зубы можно сделать новые, были бы деньги.

Тут Юртсе услышал и голос Харью. Он доносился издалека, от окна. Харью говорил по-стариковски забавно:

— Энтот Паатсо хороший костоправ. Из мешка костей может сладить человека.

— Ой, Юкка, Юкка. Разве же я не говорила...

— Ради бога, только теперь ничего не говори,— прервал отец материнские причитания.

Однорукому все происходящее надоело, и он вышел в коридор. Харью натянул покрывало повыше. Его знобило.

— Закрыл бы кто-нибудь это окно...

— Есть тут вазочка для цветов? — поинтересовалась мать, ни к кому конкретно не обращаясь.

Лектор услужливо пришел ей на помощь: посоветовал обратиться к сестре. Когда мать ушла, отец наклонился к Юкке и почти прошептал:

— Насчет школьных дел не беспокойся. Я звонил ректору. Ты слушать-то меня можешь? — Юртсе кивнул, и отец продолжал: — Договорились, что сдашь экзамены летом. Тебе это легко. Затем посмотрим, как и что. На конец лета найдем тебе подходящее место в фирме. Больше никакой мойки машин. Ты способен на большее.

«...Затем, когда я проснусь... когда проснусь, первым делом... спать охота...» Юртсе было уже трудно собраться с мыслями, но то, что говорил отец, настолько ободрило его, что он пересилил сон. Мать вернулась с какой-то банкой в руке. Нарциссы торчали из нее во все стороны. Юртсе охотно посмеялся бы над тем, как они теперь засуетились — и отец, и мать, — но попробуй засмейся, не чувствуя нижней челюсти.

— Надо было принести вазочку из дому. Так они не имеют никакого вида. Юкка, я поставлю их сюда, на столик.

И тут мать заметила другие цветы — три розы, три большие желтые розы.

— А эти кто принес? — изумилась она.

— Просили не говорить. — Лектор хмыкнул. Выражение лица у него было лукавое, как у Деда Мороза, имеющего в запасе дополнительный сюрприз, однако помалкивающего о нем.

Мать отодвинула розы подальше, но все равно нарциссам трудно было тягаться с ними.

Отец еще что-то недосказал. Он постучал Юртсе по плечу:

— Насчет мотоцикла можешь не волноваться. У Петри полная страховка. Я оформлю документы. А штраф за себя, за то, что взял мотоцикл на свою ответственность, оплатишь потом, стало быть летом. Сейчас я деньги внесу.

«На свою ответственность»! Собственная ответ-

ственность! Странные слова. Больше Юртсе не выдержал. Он позволил качелям укачать себя.

Юртсе разбудил смех. Смеялась женщина. Звонко. Как-то знакомо. Под самым потолком горела лампа. Женщина стояла под лампой, спиной к Юкке, неоновый свет серебрился в волосах.

— Теперь он вроде бы просыпается,— услышал Юртсе справа. «Однорукий»,— подумал он.

Женщина повернулась и подошла к нему. Сари! Нет, нет, это была не Сари. Женщина взяла его за запястье и посмотрела на часы.

— Помоложе выбрала,— слышалось от окна.

— Я и Харью не отвергала.

«И голос и прическа Сари, но это не она»,— подумал Юртсе. Сари села бы рядом, она не держала бы его за запястье. Она умела обходиться с ним лучше.

— Кому-нибудь нужно снотворное?— спросила женщина и осмотрела всех. Руку Юкки она опустила на одеяло и улыбнулась.

Сари! Сидела ли Сари сзади на мотоцикле? Юртсе вздрогнул. Мать и отец ничего не рассказывали. Они что-то утаивали, хотели пощадить его. Отец говорил о страховке и личной ответственности. Обещал оформить бумаги. О Сари не говорил. Сари тоже была для него лишь бумажкой. Отец был крепкий мужик, когда речь шла о делах. Он умел вести дела. Два года подряд он держал первое место по продаже машин и был премирован поездкой на заводы «Рено».

«Я должен вспомнить!— твердил про себя Юртсе, как трудное домашнее задание.— На старой дороге вдоль берега... С Сари... вчера, позавчера... Но сидела ли она позади, когда...»

Старое шоссе, тянувшееся вдоль берега, втыкалось

сбоку в новую скоростную магистраль сразу же за мостом. Между ними была глубокая и широкая канава. Еще и года не прошло, как движение по старой дороге было закрыто, но упорные одуванчики уже успели прорасти сквозь трещины в асфальте. Дно канавы заросло ивняком. Ее прорезала наискосок лишь узкая мотоциклетная колея. Юртсе был не единственным, кто сломя голову гонял здесь на мотоцикле.

С новой магистрали было удобно нырять в канаву, поддавая газу и с разгону взлетая по противоположному склону так, что переднее колесо оказывалось в воздухе над краем канавы. Сзади, едва не вдавливаясь в его спину, прижималась Сари, и было слышно, как у нее перехватывает дыхание от страха.

Далее простиралась длинная прямая старая дорога. Здесь уже нечего было бояться встречных машин. Включай самую большую скорость и газуй. Вцепившись пальцами в его бока, Сари визжит. Но ветер относит ее голос назад. Ветер, казавшийся по-весеннему теплым, пока они не сели на мотоцикл. А сейчас он зло бьет в лицо и забирается под куртку.

В конце прямой резкое торможение, затем спуск в лесистую низину, разворот обратно на дорогу и снова — полный газ. Тот же путь, те же маневры. Как быстро все это сделалось обычным.

На последнем отрезке пути необходимо было сбросить скорость. Искореженная морозами, разъезженная, ухабистая проселочная дорога не годилась для безумной гонки. Сари притихла, но, когда домчались до знакомой бухточки и остановились, она первой спрыгнула с мотоцикла и капризно взбила слежавшиеся под шлемом волосы. Нос у нее покраснел и губы посинели.

— Замерзла?

— Обязательно нужно так гнать? — выпалила она. — Что тебе мешает жить?

— Переходный возраст.

— Что?

— Куратор сказала. Но и успокоила, что пройдет. Остроумная бабенка.

Согнув палец крючком, Сари раскачивала висевший на нем шлем и, склонив голову к плечу, смотрела на Юртсе. Непонятно было, о чем она думает. В такие мгновения что-то в душе Юртсе сдвигалось. Сари умела обезоруживать. Хотя бы слово сказала, пусть какое угодно плохое. Но она молчала, устоялась на него и молчала, потом повернулась и пошла к берегу.

В последнее время между ними как бы возникла стена. Говори что хочешь, слова отскакивали обратно. Раньше было иначе, год-два назад. Сари любила кататься на мотоцикле, наслаждалась скоростью, движением. И вдруг эти же самые красивые места ей разонравились. И хотя они каждый раз по-прежнему приезжали сюда, все ей сделалось безразличным. С ней невозможно стало говорить. Или он просто не умел? Может быть, это оттого, что она уже работала?

Юртсе повесил свой шлем на ручку руля, снял перчатки и пошел к берегу, сел рядом с Сари. В нескольких метрах от них любопытная рыба выпрыгнула из воды.

— Побежим, согреемся,— предложила Сари и поднялась.

— Я не в силах. У меня весенняя усталость.

— Кто тебе это сказал?

— И анемия. Надо съедать железный гвоздь каждое утро. Фельдшерица посоветовала.

Сари долго стояла молча. Она втянула голову в плечи и сунула руки в карманы куртки. Ей было зябко. Юртсе поднялся и начал тереть Сари предплечья, чтобы разогнать кровь, но она резко отступила и процедила сквозь зубы:

— Чертов оболтус! Я всю весну слышу эти твои жалобы. Какой ты на самом-то деле?

— Сходи спроси у «рекса», или у папаши моего, или...

— Так я и думала. Ты единственный и неповторимый, пыльным мешком стукнутый.

— Кто так сказал?

— Ты, хотя и не вслух. Но это же видно. Это так и прет у тебя из глаз и из ушей...

— Гемоглобин у меня из ушей прет. Ей-богу! Они думают, я приду в восторг от школы, если меня накачать железом и витаминами.

— Они?

— Видела б ты, сколько силоса для меня таскает мать, согнувшись под тяжестью корзины. Фрукты-овощи!

Если Сари смеется, это может быть по двум причинам: или ей действительно весело, или она не находит нужных, точных слов. Сейчас ей не было весело. Юртсе замолчал. В душе саднило. Они долго молчали. Будто два незнакомых человека, случайно оказавшихся на одном и том же берегу, и оба не знали, с чего начать разговор. Наконец Юртсе все же решился:

— Чего же ты поехала со мной, если теперь всегда получается вот так?

Сари смягчилась. Она опустила глаза и ковыряла торф носком тенниски.

— Ты же знаешь,— сказала она чуть слышно.

Комок подкатил к горлу. Юртсе постарался быть честным сам с собой и задавал себе снова и снова один и тот же вопрос: что со мной происходит? Да и только ли со мной? А другие в классе, разве они не такие же уставшие, разве и им не опротивело все?.. Кто еще? Юртсе попытался вспомнить. Он старательно перебрал в памяти всю группу, девчонок и парней. Итог получился неутешительный. Большинство лишь делало вид, что им не безразличны общие интересы. И все-таки многие из последних сил старались усердно

учиться. Какие они усталые! Охота за отметками — явная и постоянная. Ее старались прикрыть, изображая разочарованность.

После рождества Юртсе сказал себе: с меня хватит. Будто завод кончился, кончился враз. Просто школа и суета в ней опротивели, все стало казаться сплошным надувательством. Даже те учителя, в которых еще тлела искра человечности, оказались настоящими занудами. Как все это произошло? Почему?

Юртсе снова сел на валун. Слова возникали как бы сами собой. Он не мог бы объяснить, почему начал именно так. Сари подошла к нему. Она слушала.

— У меня в комнате на стене висит карта мира. Там много голубого. Все моря голубые. А посмотри на это. Разве оно голубое?

— Это же не море.

— Там и озера, и реки такого же цвета. Они условно голубые. С общего согласия. И однажды я почувствовал, что мне тоже с общего согласия скормливают голубые истории. Я заметил это на переводе с английского. Крикет и гребные соревнования на Темзе. Конечно, в крикет они играют и соревнуются на этой реке в гребле, но я не знаю, какие они люди и что они думают хотя бы об атомной войне, или об ограничении рождаемости, или о питании молодыми побегами. Какие у них дети? Читают ли они тоже голубые истории? Едят ли каждое утро апельсины, и натуральный йогурт, и витаминные таблетки? Я ведь не знаю!

— Ты великолепен!

— И ты тоже. Днем ходишь на работу, а вечером туда, в школу.

— Я не собираюсь до конца жизни размокать в мойке — в грязной воде с жирными тарелками.

— Скажи, ну что я умею? Играть! Особенно хорошо я умею играть в школу. Я игрушечный школь-

ник. Летом я мою автомобиль. Никакого умения для этого не требуется. А эта дорога и гонка по ней... Детский городок уличного движения.

— Ящики с песком сделались тесноваты, да?

— Язви, язви.

— Я не язвлю. Я тебе скажу одно. Запомни: я тебе никакая не игрушка.

Это его проняло. Пронзило, словно укол в позвоночник. Сари поднялась и надела шлем. Это был знак. Юртсе безропотно подчинился. На обратном пути он держал терпимую скорость. Перед мостом Сари постучала Юртсе по плечу. Он остановил мотоцикл.

— Что еще?

— У тебя же нет прав.

— Уж как-нибудь я и сам об этом знаю! Ну и что с того?

— Отсюда я пойду пешком.

— Но ты же раньше...

— А теперь я пойду. И завтра тоже. Мы пойдем оба.

На миг Юртсе задумался. У нее что-то было на уме. Они так давно дружили, что Юртсе научился улавливать малейшие оттенки ее настроения. И сейчас по лицу Сари было ясно видно, что она вот-вот возвестит о чем-то важном. Юртсе ждал.

— Отныне гонки на мотоцикле отменяются. Ты ненормальный, и тебе следует знать об этом. Доходит до тебя, что я имею в виду?

— Ты прямо как отец!

— Ну и пусть!

Больше она ничего не сказала, и без того достаточно. Она повернулась к нему спиной и пошла по мосту, встряхивая волосами. Юртсе стоял, расставив ноги над мотоциклом, и ручкой поддавал газу, мотор ревел. Тигр в нем разъярился, и Юртсе дал ярости выход. Легкое движение рукой, и лошадиные силы подчинились приказу. Заднее колесо бешено заверте-

лось и вырыло глубокую колею в обочине дороги, переднее вздыбилось в рывке, и тут же резина крепко сцепилась с асфальтом. Сари шла впереди, не оборачиваясь, но она что-то почувствовала и в последнее мгновение успела отскочить в сторону, к перилам. В зеркальце Юртсе увидел, как она двумя руками ухватилась за перила моста, словно собираясь перемахнуть через них. Но почти тут же она исчезла из виду, поворот заглатывал... И затем...

— Доброе утро! Как тут поживают?

Юртсе очнулся и разлепил веки. Утро! Почему отец пришел будить? Где же мать? Мужчина в белом халате стоял в изголовье кровати, а позади него знакомая темноволосая женщина. Нет, Юртсе был не дома, теперь он вспомнил.

— А у Юкки была трудная ночь? — спросил мужчина.

— Сделали два укола. Последний в шесть.

— Посмотрим, где это больное место.

Мужчина подошел к кровати, откинул одеяло, задрал на Юртсе рубашку и холодными пальцами ощупал ребра. Казалось, что его пальцы проникают до самых легких. Было больно.

— Похоже, с этим ясно, — сказал мужчина со знанием дела. — Того, из третьей палаты, с варикозным расширением вен прооперируем во второй половине дня. А сначала займемся этим. Введете ему все, что надо, за час до операции. И приготовьте снимки, я посмотрю их еще разок.

— Слушаюсь, доктор.

Доктор? Юртсе напряг память. Кто-то даже называл его фамилию. Па... Паатсо. Доктор Паатсо... из мешка костей сладил человека. У него мягкий голос. Теперь он обращается к Юртсе:

— Нам придется сделать тебе еще маленькую опера-

цию. Ничего страшного. Сломанное ребро немножко щекочет.

Доктор озабочен сломанным ребром! Да бог с ним, с ребром! Лучше бы он сказал, что Сари не было там, на заднем сиденье мотоцикла, когда тот грузовик налетел на него, что Сари стояла на мосту и держалась обеими руками за перила.

Паатсо и сестра переходят к следующей кровати. Однорукий не может лежать, когда к нему обращается доктор. Он приподнимается и садится.

— Ну так, Сальми. Ваши бумаги в порядке. В понедельник осмотр и — домой!

— Ломать голову над тем, как найти новую работу?

— Сходите к больничному консультанту по соцобеспечению. Поговорите с ним. Может быть, он вам что-нибудь посоветует.

— Может, посоветует, может, схожу.

Паатсо явно не нравится тон, каким говорит однорукий.

— Вы еще молоды. Свет не сошелся клином только на руке.

Затем доктор переходит к кровати лектора: полистав бумаги, пожевав губами, он говорит:

— Форсман, показатели крови заметно улучшились.

— Долго мне еще придется оставаться здесь?

— Воспаление прошло, но нужно, чтобы была полная уверенность. Еще неделю, ничего не поделаешь.

— У меня там новый заместитель. Надо бы глянуть...

— Когда выздоровеете. Только после этого. Никуда ваша школа не денется.

— Но ученики? В них я не уверен.

Услышав это, Юртсе хотел рассмеяться во весь голос, но неподвижный подбородок помешал ему. Все же, наверное, какой-то звук вырвался у него из горла, ибо оба — и Паатсо, и сестра — повернулись и посмотрели.

рели на него. При этом у них было занятое выражение лица. Они догадались. Лектор ничего больше не сказал. Подчинился своей судьбе. Паатсо перешел к старику, поинтересовался, как работает желудок, и велел больше двигаться.

Еще до полудня пришел Петри. Как раз перед этим Юртсе сделали укол. Обезболивающий. Приятно успокаивающий...

— Привет, братишка! Как дела? Ах так, ты не можешь говорить?

«Хорошо, что вспомнил»,—подумал Юртсе с досадой, хотя Петри он слушался больше, чем мать и отца.

— Парнишка небось в прострации,—заметил лектор.— Ему только что впрыснули морфий. Им придется прооперировать его еще раз, но, говорят, ничего серьезного.

— Чего же они не сразу?!—пробормотал Петри. Затем он нагнулся поближе к Юртсе и шепнул:— Слушай, договоримся так: ты взял мотоцикл без спросу. Ну это если полиция будет допытываться. Понимаешь? Если они узнают, что я разрешил, они могут отобрать у меня водительские права. А уж я тебя отблагодарю.

Юртсе почувствовал, что ему не хватает дыхания. Глаза застилал гной или что-то еще, в горле запершило. Что такое лепечет этот чертов Петри? Мотоцикл ведь покупали в складчину, вместе, очередность пользования им установили по справедливости. И чтобы ездить на нем, не требовалось ни спрашивать разрешения, ни давать его. А теперь... У старшего брата провал памяти. Юртсе хотелось врезать ему, но руки были бесильны.

— Понял ты? Кивни. Хорошо, но какого черта тебя понесло на магистраль? Договорились же, что... О'кей, я не упрекаю.

«Шел бы он уже!»

— Мне пора идти, обеденный перерыв кончается,— сказал Петри, будто услышав, о чем подумал Юртсе.

Юртсе закрыл глаза, чтобы тот сообразил поскорее убраться. Он толком и не заметил, когда Петри ушел. Клонило в сон.

Звуки доходили до него, как сквозь фильтр. Говорила пожилая женщина, и Юртсе с трудом раздвинул тяжелые веки. Глаза двигались слишком медленно, но все же нашли говорившую. Возле кровати Харью стояла полная, круглощекая женщина в полинявшем коричневом пальто. На нем что-то поблескивало, вроде капель воды.

— Хозяин приехал с грузом рыбы и остался продавать. Я и сбежала. А то вечером у меня уже сил не будет прийти.

Она села на край кровати Харью. Спросила его о самочувствии, и он ей ответил. Женщина держала что-то, завернутое в клетчатую бумагу. Она развернула ее. Юртсе показалось, что пахнуло дымом.

— Выбрала из того, что он привез.— Женщина улыбнулась.— Сказала, что для Лаури. Хозяин еще велел передать привет. Ешь теперь.

Она отщипывала маленькие кусочки из пакета и совала их в рот Харью. Он долго пережевывал каждый кусочек. Похоже, у него не было зубов. Женщина время от времени поглядывала через плечо:

— Дашь потом сига и парнишке.

— Да он не может жевать, разве не видишь?

Женщина повернулась, чтобы рассмотреть получше, и запричитала:

— То и дело несчастные случаи, и в газетах все время... Ой, боже, и такой молодой!

Потом она опять повернулась к Харью и начала возиться с пакетом. Юртсе догадался, что за капли у нее на пальто. Это же рыбы чешуйки! Она с раннего утра продает рыбу на рынке, стоит в мороз и в жару за рыб-

ным прилавком. Ее кормит море. Она была уже старой, ее лицо продублено дождями, солнцем, снегом, ветром. Но видела ли она когда-нибудь море? Знала ли, какого цвета бывают моря? И важно ли это для нее?

Юртсе казалось, будто кровь в жилах повернула вспять и сквозь поры прыщет наружу морфий. Дрожь поднималась от пальцев ног, словно на них плеснули ледяной водой. Усталость мгновенно пропала. Он яростно рванулся вперед. Голова легко приподнялась с пропотевшей подушки, глаза видели, уши слышали. И именно тогда в палату вошла Сари.

Но как раз в этот момент мускулы отказали ему. Лектор, встревоженный, уже был на ногах, позади него стоял однорукий. Они волновались, как бы с ним чего не случилось. Юртсе мягко упал на подушку и погрузился, погружался...

Сари стояла рядом и трогала ему лоб. У нее была теплая рука. Ее губы двигались, но слова доносились будто издалека, и все же они были слышны.

— Вчера ты спал,— сказала она.

«Желтые розы,— догадался Юртсе.— Голубые ей негде было достать. А то наверняка принесла бы голубые. Она такая».

За спиной Сари появилась откуда-то сестра. Сари пришлось посторониться. Сестра улыбалась, но не кому-то отдельно, а как бы всем сразу, и было понятно, что она при исполнении своих обязанностей.

Юртсе снова попытался подняться. Нужно сказать Сари, нужно, чтобы она знала. Сестра не так поняла движения Юртсе, его ерзанье, и принялась уговаривать:

— Ну, Юкка, ты же не боишься одной маленькой операции. Это же будет быстро, раз-раз... и все уже сделано. Ну, поехали.

Юртсе сдался. Кровать дрогнула и покатилась. Сари

шла рядом. Юртсе вывезли в коридор. Сари остановилась в дверях и помахала. Юртсе с трудом повернулся на бок, чтобы лучше видеть. Сломанная кость рвала внутренности, но это лишь придавало ему силы.

— Сари! Скоро я избавлюсь от этого, проснусь... скоро... и я начну... что-то делать. Сари. Совсем скоро...

Уже издалека он увидел, как изменилось выражение ее лица, и догадался: она поняла.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Муравин. Учитель Маттсон, писатель</i>	
Мартинхеймо и их ребята	3
ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО . .	7
МАСТЕРСКИЙ ВЫСТРЕЛ	14
КРЕПОСТЬ	32
ШЕСТИЧАСОВОЙ АВТОБУС	40
КЛЮЧ	47
ТРИ ТЫСЯЧИ БУТЫЛОК	54
ЗОЛОТИСТЫЙ СПАНИЕЛЬ	64
ДОМ ДЛЯ КУКЛЫ	71
ОХОТНИКИ ЗА СКАЛЬПАМИ	78
ЛЕТНИЙ ПАРОХОД	86
СКОРО Я ПРОСНУСЬ...	98

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего возраста

Мартинхеймо Асно

«МАСТЕРСКИЙ ВЫСТРЕЛ»

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

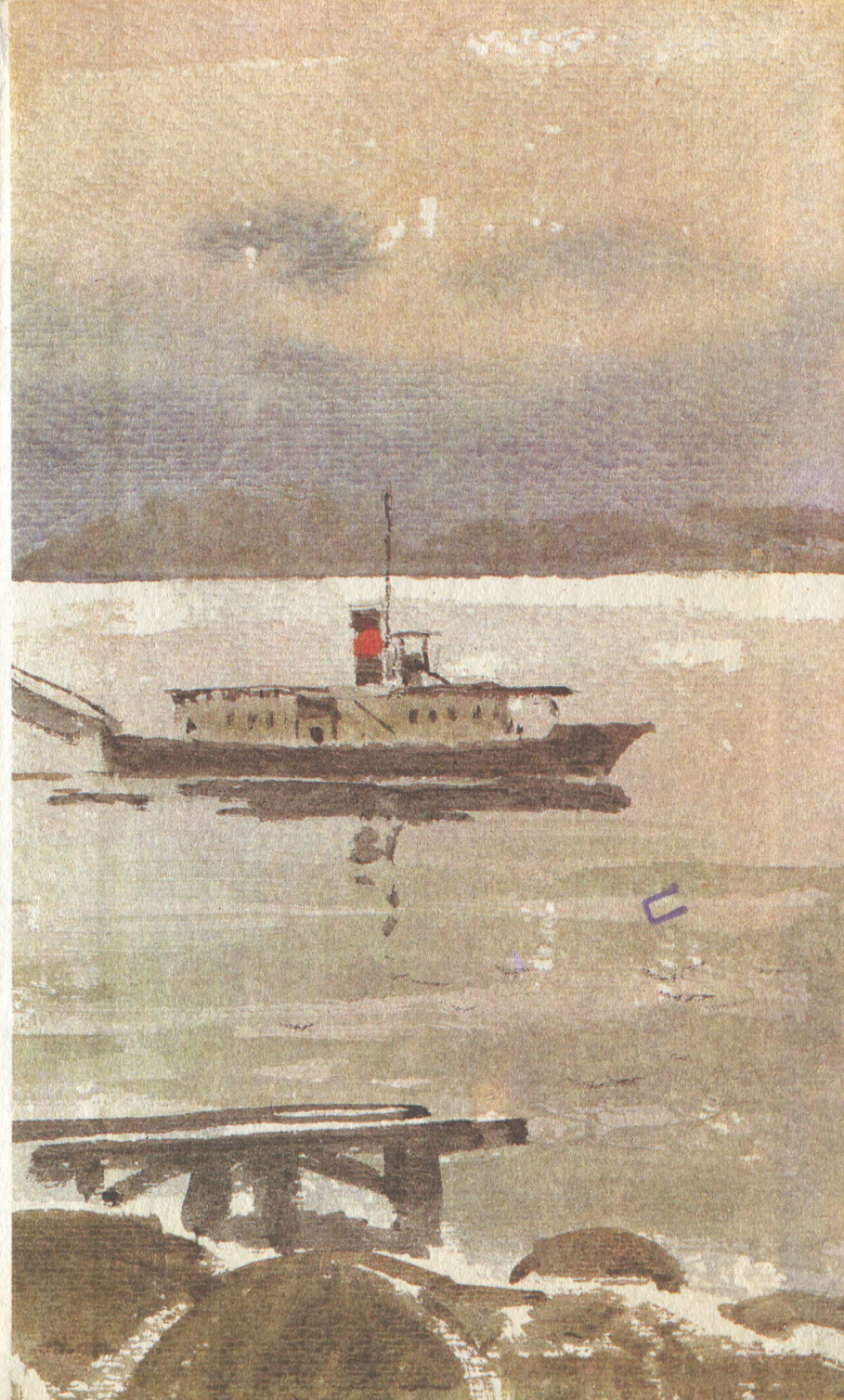
Ответственный редактор **Л. П. Серебрякова**. Художественный редактор **Л. Д. Бирюков**. Технический редактор **И. П. Савенкова**.
Корректор **Л. В. Савельева**.

ИБ № 10875

Сдано в набор 14.03.89. Подписано к печати 24.05.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 6,04. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1777. Цена 55 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

55 к.